

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolgsu.2025.4.4>UDC 902.1
LBC 63.4(2)Submitted: 16.08.2025
Accepted: 01.09.2025

WOODEN STRUCTURES IN THE KURGANS OF NOMADS OF THE SOUTHERN URALS IN THE LATE 6th – 4th CENTURIES BC: TYPOLOGY OF GRAVE STRUCTURES¹

Sergey V. Sirotin

Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Abstract. The article analyzes wooden grave structures from the burial complexes of the early nomads of the Southern Urals in the late 6th – 4th centuries BC. Several types of tomb structures, differing in size, layout, construction, and methods of erection, are represented in the kurgans known to date. The article examines the main approaches of Russian researchers in studying the funeral rite in relation to wooden grave structures. Analysis of the literature has shown the absence of specialized works and generally accepted terminology in historiography in relation to the grave structures of the South Ural nomads. The information accumulated to date on kurgan architecture allows us to state the presence of both simple and complex grave structures that differ in their forms and design features. The article presents the currently known wooden structures found in the kurgans of the South Ural nomads of the mid-1st millennium BC. Based on the analysis of available materials, a typology of wooden structures is proposed based on the technology of their construction and the nature of the funeral rite. Attention is paid to clarifying the terminology applicable to such categories as “log cabin structure” (srub), “tent-shaped covering” (shatrovoe perekrytie), etc. In total, six main types of wooden grave structures are identified. These include wooden floor-roofs made of logs (perekrytiya-nakaty), complex rectangular and polygonal buildings, tent structures, lightweight frame-and-post structures, wooden flooring, and platforms. In addition, wooden ceilings of clay mausoleums are considered a special type of grave structure. The wooden grave structures of the nomads of the Southern Urals have parallels in burial complexes in various regions of the steppe belt of Northern Eurasia, which indicates the presence of common ideological ideas among the nomads of the early Iron Age. As information is replenished and new data are obtained, the proposed typology can be further expanded and supplemented.

Key words: Southern Urals, early nomads, funeral rite, wooden grave structures, typology.

Citation. Sirotin S.V., 2025. Derevyannye konstruktsii v kurganah kochevnikov Yuzhnogo Urala v kontse VI – IV v. do n.e.: tipologiya nadmogil'nyh sooruzheniy [Wooden Structures in the Kurgans of Nomads of the Southern Urals in the Late 6th – 4th Centuries BC: Typology of Grave Structures]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 24, no. 4, pp. 92-128. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolgsu.2025.4.4>

УДК 902.1
ББК 63.4(2)Дата поступления статьи: 16.08.2025
Дата принятия статьи: 01.09.2025

ДЕРЕВЯННЫЕ КОНСТРУКЦИИ В КУРГАНАХ КОЧЕВНИКОВ ЮЖНОГО УРАЛА В КОНЦЕ VI – IV в. до н.э.: ТИПОЛОГИЯ НАДМОГИЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ¹

Сергей Викторович Сиротин

Институт археологии РАН, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируются деревянные надмогильные конструкции из погребальных комплексов ранних кочевников Южного Урала конца VI – IV в. до н.э. В известных к настоящему времени курганах представлено несколько типов надмогильных сооружений, которые различаются размерами, планировкой, конструкцией и способами возведения. В статье рассматриваются основные подходы отечественных исследователей при изучении погребального обряда применительно к надмогильным деревян-

ным сооружениям. Анализ литературы показал отсутствие специальных работ и общепринятой терминологии в историографии применительно к надмогильным конструкциям южноуральскихnomадов. Накопленные к настоящему времени сведения о курганной архитектуре позволяют констатировать наличие как простых, так и сложных надмогильных сооружений, различающихся по своим формам и конструктивным особенностям. В представленной работе рассмотрены известные к настоящему времени деревянные конструкции, выявленные в курганах южноуральских nomадов середины I тыс. до н.э. На основе анализа имеющихся материалов предложена типология деревянных конструкций, исходя из технологии их строительства и характера погребального обряда. Уделяется внимание уточнению терминологии применительно к таким категориям, как «сруб», «шатровое перекрытие» и др. Всего выделено шесть основных типов деревянных надмогильных сооружений. В их числе – деревянные перекрытия-накаты, сложные постройки прямоугольных и многоугольных форм, шатровые сооружения, легкие каркасно-столбовые конструкции, деревянные настилы и помосты. Кроме того, в качестве особого вида надмогильных сооружений рассматриваются деревянные перекрытия глиняных мавзолеев. Деревянные надмогильные сооружения nomадов Южного Урала имеют параллели в погребальных комплексах в различных регионах степного пояса Северной Евразии, что свидетельствует о наличии общих мировоззренческих идей у кочевников раннего железного века. По мере пополнения сведений и получения новых данных предлагаемая типология может быть в дальнейшем расширена и дополнена.

Ключевые слова: Южный Урал, ранние кочевники, погребальный обряд, надмогильные деревянные конструкции, типология.

Цитирование. Сиротин С. В., 2025. Деревянные конструкции в курганах кочевников Южного Урала в конце VI – IV в. до н.э.: типология надмогильных сооружений // Нижневолжский археологический вестник. Т. 24, № 4. С. 92–128. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2025.4.4>

Введение

В погребальной обрядности ранних кочевников Южного Урала скифского времени важной особенностью является наличие в курганах надмогильных конструкций. Особым разнообразием отличаются деревянные сооружения, выявленные при исследовании курганных насыпей и подкурганных площадок. В общем контексте курганной архитектуры деревянные конструкции существенным образом дополняют комплекс характеристик погребального обряда. Как известно, курганные сооружения, в которых встречены надмогильные деревянные конструкции, характерны как для захоронений в ямах, так для погребений на древнем горизонте. При характеристике погребального обряда исследователями традиционно обращалось внимание на наличие и разнообразие деревянных конструкций в курганах над центральными погребениями. Надмогильные деревянные сооружения широко представлены в погребальных комплексах ранних кочевников степной Евразии. Они характерны для степной и лесостепной Скифии, курганов скифского времени Северного Кавказа, Подонья, Казахстана и др. Значительное количество курганов с деревянными надмогильными конструкциями известно для южноуральских nomадов.

Деревянные надмогильные конструкции южноуральских nomадов

Историографический аспект и конструктивные особенности

В отличие от литературы, посвященной погребальным сооружениям скифов [Ольховский, 1989; 1991], вопросы типологии надмогильных конструкций для южноуральских nomадов затрагивались в общем контексте погребального обряда и не являлись объектом специальных исследований. При этом по мере накопления материала исследователи отмечали наличие нескольких типов деревянных конструкций. К.Ф. Смирнов, рассматривая погребальный обряд сарматов на обширных пространствах от Заволжья на западе и до р. Орь на востоке, в целом констатировал общие приемы при устройстве перекрытий над могилами кочевой знати, однако при этом указывал на разнообразие погребальных конструкций, справедливо отмечая: «...хотя вследствие плохой сохранности дерева или несовершенства методики раскопок они не всегда были хорошо прослежены, зафиксированы и поняты различными исследователями, можно определенно сказать, что они имели различную форму» [Смирнов, 1964, с. 86]. При этом следует от-

метить, что Константин Федорович не связывал различные виды оборудования погребальных помещений и надмогильных конструкций с какой-либо определенной формой могилы [Смирнов, 1964, с. 85]. Более того, погребения в ямах и захоронения на древнем горизонте в контексте анализа деревянных надмогильных конструкций никак не разделялись. Факты сожжений деревянных конструкций также приводятся в рамках простой констатации при описании вариантов надмогильных сооружений.

В качестве первого типа надмогильных сооружений в выборке К.Ф. Смирнова выделялись плоские перекрытия или же накаты над могилой, для сооружения которых иногда использовались деревянные подпорки в виде столбов. Наиболее яркий пример такой конструкции – это центральная могила в Блюменфельдском кургане А12 и центральные погребения в больших курганах у г. Ленинска на р. Ахтуба. На Южном Урале примером такой конструкции являются погребения в кургане 5 у пос. Бердский близ Оренбурга, в кургане 1 могильника у Алебастровой горы, в кургане 7 у с. Сара, в кургане 6 Ново-Кумакского могильника, в кургане у Ак-Булака и др. [Смирнов, 1964, с. 85, 86].

Вторым типом надмогильных сооружений являются постройки, которые исследователь определял как срубы. Плохая сохранность дерева не позволяет достоверно реконструировать эти надмогильные сооружения, однако в основе их всегда фиксировались бревна или плахи, из которых строились стены, формируя, как правило, четырехугольную конструкцию. Сложные постройки в виде срубов были обнаружены в кургане 2 могильника Тара-Бутак (рис. 2,1) и в курганах 4, 6, 8 некрополя Пятимары I (рис. 2,2–4). Кроме того, при анализе кургана 3 могильника Тара-Бутак К.Ф. Смирнов выделял плоский настил над погребением на древнем горизонте, который интерпретировался как «прямоугольная не прочная постройка, рухнувшая под тяжестью земли» [Смирнов, 1964, с. 88] (рис. 10,2). Еще один тип надмогильного сооружения приводится со ссылкой на Ф.Д. Нефедова из кургана Елга у с. Преображенка, где «...круглую грунтовую могилу обрамлял кольцеобразный бревенчатый накат, диаметр которого равнялся

20 саженям» [Смирнов, 1964, с. 87]. Что представляла собой конструкция, понять довольно сложно, однако не исключено, учитывая окружную форму сооружения, что данное надмогильное сооружение могло быть шатровым. Подводя итог анализу деревянных надмогильных сооружений, К.Ф. Смирнов отмечал, что «все описанные деревянные сооружения, по-видимому, имитировали наземные прямоугольные срубовые жилища и круглые шатры» [Смирнов, 1964, с. 89].

М.К. Кадырбаев, рассматривая погребальный обряд в курганах Бесобы, Сынтаса и Кумиссая в верховьях р. Илек, выявил три типа монументальных деревянных (бревенчатых) конструкций. В качестве первого варианта выделяется шатер или деревянная конструкция в форме цилиндра с опорой на земляной вал или раму-многоугольник (четыре случая). Такие конструкции были выявлены в курганах 3 и 4 могильника Бесоба, кургане 1 могильника Сынтас и кургане Жалгызоба. Вторым типом конструкций М.К. Кадырбаев считал прямоугольное либо квадратное сооружение (два случая). Примером такой постройки является погребальное сооружение в кургане 5 Бесоба, где стены квадратной деревянной гробницы были сложены из бревен и укреплены вертикально втыкаемыми по обе стороны стены столбами. Третий тип представлен восьмигранными постройками (два случая). В кургане 9 могильника Бесоба стены крупного деревянного сооружения были построены из бревен, уложенных в ряд горизонтально по 4–5 штук. Бревна стен удерживались от деформации и разрушения системой вертикально втыкаемых столбов (рис. 4,3). В шести случаях определить характер конструкции не удалось [Кадырбаев, 1984, с. 85–89].

А.Х. Пшеничнюк в рамках общей характеристики погребального обряда южноуральских кочевников VII–IV вв. до н.э. фиксировал наличие разнообразных деревянных сооружений в курганах, исследованных им в Зауральской Башкирии. К их числу относятся плоские перекрытия (накаты), сооружения шатрового типа (Альмухаметово, курган 8) (рис. 8,4) и прямоугольные рамы или срубы, перекрытые сверху плахами, жердями или ветками. Стены срубов складывались из бревен и были укреплены попарно вкопанными с

двух сторон столбами (Сибай II, курган 17) (рис. 3,4). Подобные конструкции наблюдались в кургане 1 Ивановских III курганов (рис. 3,3), кургане 12 могильника Сибай II. В кургане 2 Ивановских III курганов помимо надмогильного прямоугольного сооружения с плоским перекрытием, стены которого были укреплены парными вертикальными столбами, внутри могилы также была возведена деревянная конструкция (рис. 2,6). Она поддерживалась четырьмя столбами, втынутыми по углам ямы. В ряде курганов ввиду плохой сохранности характер конструкции не прослеживался, однако, по мнению А.Х. Пшеничнюка, среди них были как сооружения шатрообразной формы, так и в виде низких четырехугольных срубов, перекрытых сверху. Всего, по наблюдениям А.Х. Пшеничнюка, наличие остатков деревянных надмогильных конструкций шатрообразной и четырехугольной формы, а также перекрытий в виде наката составляет около 40 % всех комплексов зауральской группы, известных к началу 80-х гг. XX в. [Пшеничнюк, 1983, с. 90, 91].

С.Ю. Гуцалов, рассматривая погребальный обряд ранних кочевников междууречья Урала и Ори второй половины VI – V в. до н.э., отмечает широкое применение дерева при сооружении погребальных склепов, выделяя при этом три основных типа деревянных конструкций. По его наблюдениям, наиболее широко были представлены конструкции шатрового типа, опирающиеся на глинисто-гравийный вал кольцевой формы (15,5 %), в меньшей степени были распространены сооружения в виде срубов, обложенных деревом (10,5 %). Наименьший процент среди надмогильных деревянных конструкций занимали накаты (6 %). В десяти случаях фиксировались сгоревшие конструкции либо полностью, либо в виде прокалов и больших фрагментов обугленного дерева [Гуцалов, 2004, с. 94]. Для памятников конца V – IV в. до н.э. этого же региона С.Ю. Гуцалов отмечает, что деревянные конструкции выявлены под насыпями 14 курганов. Две из них относились к шатровым (Лебедевка V, курган 9, Лебедевка VII, курган 5), четыре – к срубным. В двух курганах (Алебастрово 1, курган 11 и Новопавловка, курган 7) конструкции выгорели полностью, в связи с чем их характер не прослеживается

[Гуцалов, 2004, с. 102]. При этом необходимо отметить, что в данных выборках не учитывались курганы некрополя Филипповка 1. Не рассматривались также комплексы, выявленные к северу от устья р. Орь и памятники меридионального течения р. Урал, относящиеся к Южному Зауралю. В работе 2011 г., посвященной истокам погребального обряда южноуральских кочевников в конце VI – V в. до н.э., С.Ю. Гуцалов, опираясь на данные 230 погребений, приводит несколько иные цифры, которые, однако, принципиально не меняют общую картину распределения погребальных конструкций: деревянные шатры – 18 %, срубы – 9,5 %, настилы (вероятно, соответствуют накатам в предыдущей выборке) – 9 % [Гуцалов, 2011а, с. 49].

А.Д. Таиров, характеризуя культуру зауральскихnomадов в рамках четырех последовательных фаз (A, B, C, D) применительно к надмогильным сооружениям фазы B и фазы C (вторая половина VI – IV в. до н.э.) отмечает деревянные конструкции, представленные бревенчатыми настилами на древнем горизонте, каркасными или шатровыми постройками, различного вида срубами, клетями и др., а также каркасно-столбовыми погребальными конструкциями, которые фиксируются в виде одинарного или двойного кольца столбовых ям [Таиров, 2004, с. 4–5].

М.А. Очир-Горяева, рассматривая планиграфию и архитектурную специфику курганов южноуральских nomадов VI–IV вв. до н.э., не вдаваясь в конкретизацию особенностей и видов деревянных надмогильных сооружений, отмечает, что «...центральные погребения южноуральских курганов зачастую имели прямоугольное низкое сооружение, либо перекрытие из слоев бревен, либо деревянное сооружение радиальной конструкции, опиравшееся на кольцевой вал из материковой глины. В Южном Приуралье такие курганы составляют 41,2 %» [Очир-Горяева, 2011, с. 180].

Более основательно к вопросу о надмогильных деревянных сооружениях в контексте типологии погребального обряда подошел В.Н. Мышкин. При выделении основных типов погребальных памятников элиты кочевников Самаро-Уральского региона VI–IV вв. до н.э. он показал связи известных надмогильных конструкций с основными видами захоронений

и выявил относительно устойчивые признаки, характерные для различных типов погребального обряда кочевой элиты [Мышкин, 2011; 2013]. В анализируемой В.Н. Мышкиным выборке из 50 комплексов надмогильные деревянные сооружения представлены следующим образом. Простые плоские перекрытия характерны для первого типа памятников, структурное ядро которого составляют индивидуальные захоронения с западной ориентировкой в простых грунтовых ямах (34,7 %). Следующим видом надмогильных сооружений являются сложные полые конструкции «в виде срубов, шатров и настилов из радиально расходящихся плах», представленные в памятниках второго типа с захоронениями в простых грунтовых ямах квадратной или прямоугольной формы с южными ориентировками погребенных (10,2 %). Настилы и сложные надмогильные конструкции в виде четырехугольных или многоугольных срубов характерны также и для погребений на уровне древней поверхности (памятники четвертого типа – 16,3 %), шатровые деревянные надмогильные конструкции входят в структурное ядро памятников пятого типа (26 %) с коллективными захоронениями в дромосных могилах с южной ориентировкой погребенных. В качестве отдельного типа памятников (тип 3 – 12,2 %) выделяются захоронения в сооружениях из сырцовых кирпичей («мавзолеях»), перекрытых деревянными, радиально расходящимися плахами [Мышкин, 2011, с. 169–170; 2013, с. 219–224]. В более поздней специальной работе, посвященной анализу захоронений на древнем горизонте и в сооружениях из сырцовых кирпичей, В.Н. Мышкин конкретизирует свои наблюдения относительно надмогильных конструкций для этих типов памятников и выделяет несколько разновидностей погребальных построек. Первый вариант предусматривал возведение квадратных, прямоугольных или восьмиугольных в плане сооружений, стены которых складывались из бревен и укреплялись столбами, вкопанными с двух сторон попарно. Второй вариант предполагал наличие вертикально врытых в землю столбов, которые «...располагались вокруг погребальной площадки, придавая ей круглую или прямоугольную в плане форму. Они устанавливались в один, иногда в два ряда... стены из бревен отсутство-

вали. Не исключено, что они могли состоять из связок камыша или веток. На столбы опирались перекрытия из бревен... в некоторых курганах по параллельным рядам ямок от столбов удалось проследить наземные входные коридоры, которые вели в погребальные постройки» [Мышкин, 2017, с. 98]. Для некоторых случаев отмечается наличие шатровых перекрытий как для захоронений на древнем горизонте, так и для сооружений из сырцового кирпича. В качестве еще одного варианта деревянных конструкций приводятся захоронения на помостах, возвышавшихся над землей [Мышкин, 2017, с. 98].

Небольшой раздел шатровым конструкциям посвятили в своей работе о памятниках яицкой культуры на Южном Урале Р. Исмагил и Ф.А. Сунгатов. Справедливо отметив ряд терминологических трудностей в определении таких построек и указав на интересные детали ряда шатровых конструкций, авторы обратили внимание на связь данных погребальных сооружений с культом огня, совершенно верно, на мой взгляд, увязав сгоревшие или обугленные деревянные конструкции с ритуальными действиями, а не с ограблениями [Исмагил, Сунгатов, 2013, с. 73–77].

Таким образом, исследователями отмечается значительное разнообразие надмогильных деревянных конструкций в погребальной обрядности южноуральскихnomadov, что прослеживается как в характере сооружений, так и в применяемых строительных приемах. Относительно простой технологией постройки обладают так называемые перекрытия, которые опираются на дневную поверхность и достаточно легко идентифицируются. Что касается более сложных надмогильных построек, то здесь ситуация не так однолинейна и требует дополнительного анализа. Как известует из историографических примеров, приведенных выше, в качестве определения характера для таких построек исследователи часто применяют термин «сруб». Причем это относится как к захоронениям в могильных ямах, так и к захоронениям на древнем горизонте. Данное понятие используется авторами в большей степени гипотетически, поскольку нигде не указывается собственно характер и способ соединения бревен в углах. Отчасти это связано с плохой сохранностью

дерева, однако при этом во многих случаях исследователи указывают на наличие столбов, вкопанных попарно для укрепления стен. В связи с этим очень показательным является описание погребальной квадратной постройки из кургана 5 некрополя Бесоба М.К. Кадырбаевым: «Ее стены сложены из бревен без каких-либо следов врубки по углам, а устойчивость конструкции обеспечивалась 18 вертикально втытыми по обе стороны стен столбами...» [Кадырбаев, 1984, с. 89].

Вероятнее всего, технология срубов при сооружении погребальных конструкций южноуральскими номадами не использовалась. Во всяком случае для Южного Урала комплексы с деревянными постройками, где были выявлены рубленные соединения в углах, мне неизвестны. Такую конструкцию правильнее называть не срубом, а каркасно-столбовой. Л.В. Половников в специальной работе, посвященной проблемам выделения типов жилищ в отечественной историографии, отмечает, что «...главным критерием выделения каркасно-столбового типа конструкции является наличие несущих элементов стен и кровли в виде столбов. Это могли быть втытые или вбитые столбы, как одиночные, так и парные, которые были опорой кровли и служили каркасом стен» [Половников, 2021, с. 228]. По сути, основная часть выявленных прямоугольных и многоугольных надмогильных сооружений ранних кочевников Южного Урала как над захоронениями на древнем горизонте, так и в ямах относится к каркасно-столбовым постройкам, имеющим плоское перекрытие из продольно или поперечно уложенных бревен или плах, в ряде случаев дополнительно покрытых ветками или корой. Помимо каркасно-столбовых конструкций со стенами из горизонтально уложенных бревен, в памятниках южноуральских номадов с захоронениями на древнем горизонте были выявлены легкие конструкции, основу которых составляли вертикально втытые столбы, фиксирующиеся в виде столбовых ямок, расположенных по кругу или образующие прямоугольник. Для таких комплексов, на мой взгляд, следует согласиться с мнением исследователей, трактующих эти надмогильные сооружения как легкие каркасно-столбовые конструкции, стены которых были сложены из связок камыша или, возмож-

но, веток и имеющие такие же легкие перекрытия [Мышкин, 2017, с. 98]. Для комплексов, где выявлено круговое расположение столбовых ямок, перекрытие, вероятнее всего, было шатровым.

Еще одним видом строительства деревянных надмогильных конструкций является возведение на древнем горизонте прямоугольных настилов для погребений с применением огненных практик [Мошкова, 1972, с. 62–64; Таиров, Боталов, 1988, с. 100; Таиров, 2006, с. 87]. В одном комплексе захоронение на прямоугольном настиле не имело признаков использования огня [Железчиков и др., 2006, с. 26].

Несколько иные принципы строительной технологии были использованы при устройстве шатровых сооружений. К настоящему времени название «шатровое» для надмогильных конструкций носит во многом условный характер. Помимо Южного Урала, сооружения такого типа известны в погребальных комплексах Северного Причерноморья, Лесостепного Поднепровья, Северного Кавказа, Среднего Дона, Приаралья [Ольховский, 1991; Ковпаненко и др., 1989; Березуцкий, 2011; Маслов, 2024]. В каждом из регионов, где представлены такие надмогильные сооружения, имелись свои конструктивные отличия. Вместе с тем объединяющим элементом для них является радиальная система расположения бревен, плах, жердей или камыша.

Истоки шатровых надмогильных конструкций исследователи связывают с подражанием жилищам лесостепного населения [Смирнов, 1964, с. 89]. В.Д. Березуцкий, посвятивший шатровым сооружениям специальную работу, не отрицая в целом эту концепцию, вкладывает в идею их постройки не только утилитарный, но и мировоззренческий смысл. По мнению В.Д. Березуцкого, планировка такого сооружения является миниатюрным воспроизведением структуры Вселенной и сочетается с идеей Мирового дерева, где центр воспринимается «...как Мировая гора или Мировое дерево, сакральное место, где встречаются небо и земля... радиально расходящиеся от центра бревна, жерди – элементы, при помощи которых организовывалось окружающее пространство, или они рассматривались как символы направлений» [Березуц-

кий, 2011, с. 149]. В связи с этим шатровые погребальные сооружения являются олицетворением одной мировоззренческой идеи, вместе с тем они имеют конструктивные различия и могут относиться к близким, но разным типам построек, исходя из особенностей строительных технологий.

А.Х. Пшеничнюк считал, что при устройстве таких конструкций над могильными ямами в курганах некрополя Филипповка 1 бревна, опираясь на валик, устанавливались под острым углом, создавая полуую конструкцию, над которой затем возводилась насыпь из земли, либо дерновых блоков. Затем в данное сооружение через дромос, по мере необходимости, совершались дополнительные подзахоронения [Пшеничнюк, 2012, с. 62–63]. Л.Т. Яблонский полагал, что радиально уложенные бревна являются лишь имитацией или моделью шатра над центральным погребением и возведение насыпи или «закрытие» кургана осуществлялось после того, как могильная яма была заполнена [Яблонский, 2013, с. 43]. Данная точка зрения на современном этапе является более предпочтительной. Бревна надмогильной конструкции не выстраивались в виде островерхого полого шатра, они укладывались на уровне погребенной почвы в радиальном направлении, заполняя также пространство между валиком и камерой центрального захоронения, образуя невысокую конструкцию [Сиротин и др., 2019; Яблонский и др., 2023]. Вероятно, шатровые перекрытия имели определенную опорную систему, хотя следы столбовых ям обнаружить удается достаточно редко, что в свое время констатировали М.К. Кадырбаев и Ж.К. Курманкулов при исследовании шатровой конструкции кургана 3 могильника Бесоба [Кадырбаев, Курманкулов, 1978, с. 66]. Отсутствие опорной конструкции в таких сооружениях, с одной стороны, объясняется плохой сохранностью дерева, с другой стороны, опорные функции могли нести столбы-подпорки, установленные в камере или на древнем горизонте. Кроме того, нельзя исключать наличие лаг, уложенных над ямой в качестве опорного перекрытия, либо устройство наката над ямой, поверх которого радиально выкладывались бревна. В.Е. Маслов, рассматривая шатровые конструкции Северного Кавказа, в качестве их главной особенности

указывает на наличие двухуровневого перекрытия, где шатровая часть снаружи опиралась на вал выброса, а снизу на бревенчатый накат перекрытия могилы, который был уложен на несущие балки и снизу подпирался столбами, закрепленными в ямах на дне могильной ямы [Маслов, 2024, с. 228].

Следы опорных столбов в могильных ямах в известных мне памятниках Южного Урала достоверно выявлены в кургане Темир (рис. 4,1), могильниках Переволочан 1 (курган 11) (рис. 7,6) и «Высокая Могила – Студеникин Мар» (группа «Межевой Мар», курган 4) из нескольких десятков могильных ям с шатровыми сооружениями, известных к настоящему времени. Центральный опорный столб зафиксирован в яме основного погребения в могильнике Уркач I (курган 22) (рис. 7,5). Четыре столба, судя по столбовым ямкам, были установлены в могильной яме кургана 3 могильника Авласовские курганы (рис. 6,4). Причем определенно шатровая конструкция из радиально уложенных бревен зафиксирована в кургане 11 могильника Переволочан 1 [Сиротин, 2010а, рис. 2,1–3] и кургане 22 могильника Уркач I [Мамедов и др., 2022, рис. 13,1]. Конструкция в кургане Темир интерпретируется авторами публикации как особый вид шатрового сооружения [Зданович, Хабдулина, 1987, рис. 3]. Вместе с тем, судя по опубликованным чертежам и реконструкциям, она имеет несколько отличную от традиционных шатров схему и более подходит к определению многоугольной конструкции с плоским перекрытием. В кургане 4 группы 2 «Межевой Мар» некрополя «Высокая Могила – Студеникин Мар» деревянное надмогильное сооружение выгорело полностью и судить о его конструкции можно лишь предположительно [Сиротин и др., 2024, с. 158–159]. Гипотетически оно могло быть и классическим шатровым как, например, в кургане 11 могильника Переволочан 1. Вместе с тем надмогильное сооружение в этом комплексе, вероятнее всего, могло иметь более сложный характер, как в кургане Темир. Дромосные погребения, состав инвентаря и близкая хронологическая позиция этих курганов могут свидетельствовать и об их конструктивном сходстве.

Что касается шатровых сооружений над захоронениями на древнем горизонте, то оче-

видно, что они также имели опорную систему и бревна или плахи не укладывались непосредственно на погребенных. Основанием для отнесения таких конструкций к шатровым является радиальное расположение бревен или плах. Опорная конструкция в виде многоугольника из выложенных горизонтально бревен была зафиксирована в кургане 4 могильника Бесоба, в виде круга – кургане Жалгызоба [Кадырбаев, 1984, с. 86]. Опоры для шатровых перекрытий в виде прямоугольных рам из горизонтально уложенных бревен на древней поверхности были выявлены в кургане 8 могильника Альмухаметово [Пшеничнюк, 1983, с. 44, рис. 12] (рис. 8,4), кургане 6 могильника Переволочан 1 [Пшеничнюк, 1995, с. 69, рис. 4,1] (рис. 8,5). Очевидно, что шатровые конструкции были относительно низкие, о чем свидетельствует отсутствие высоких стен опорной конструкции, в отличие от каркасно-столбовых построек. По сути, в этих ситуациях это были именно опорные рамы, над которыми возводилось невысокое уплощенное шатровое перекрытие из радиально уложенных бревен или плах. В ряде случаев под шатровым перекрытием прослеживается определенная система столбовых ямок. Такая ситуация была зафиксирована в кургане 1 могильника Ак-Оба II [Моргунова, Краева, 2012, рис. 6, 7,1,2] (рис. 11,1), а также в кургане 4 могильника Сосновка [Васильев, Федоров, 2021, рис. 61, 62] (рис. 11,4). Отдельные столбовые ямки были найдены по центру подкурганных площадок курганов 1 и 3 могильника Биш-Уба 1 [Агеев и др., 1998, с. 99] (рис. 9,2,3). В тех комплексах, где такие опорные рамы и столбовые ямы отсутствовали, вероятнее всего, конструкция держалась на столбовых опорах, выявить которые не всегда получается, поскольку они, по всей видимости, не вкапывались глубоко. Примером такой относительно хорошо сохранившейся конструкции может служить шатровое сооружение кургана 4 могильника Переволочан 2 [Сиротин, 2010б, рис. 30, 72] (рис. 9,1). Здесь следует обратить внимание на то обстоятельство, что бревна лежат в правильном порядке, образуя систему из радиально уложенных бревен. Если бы в этом случае был бы островерхий шатер с соответствующим углом наклона 45 градусов и выше, вряд ли при его разрушении бревна

легли так ровно. Безусловно, полное исключение из погребальной практики южноуральских nomadов островерхих шатров в виде чума, когда опорным элементом такой постройки служит вершина его конуса, не вполне доказуемо. Не исключено, что такие постройки могли строиться из легких жердей и коры для погребений на древнем горизонте, но это предположение лишь гипотетическое и не имеет реальных археологических доказательств, поскольку идентифицировать такие постройки практически невозможно ввиду того, что дерево либо выгорело полностью или практически полностью, либо сохранилось в виде сплошного слоя древесной трухи.

Особой сложностью интерпретации и определения конструктивных особенностей надмогильного сооружения отличаются комплексы с мавзолеями из сырцовых кирпичей. Помимо сырца при возведении таких построек использовались деревянные или камышевые конструкции шатрового типа или в виде накатов [Гуцалов, 2007; 2009а; 2009б; 2010; 2011а; Скарбовенко, 2005]. Однако их характер ввиду плохой сохранности и специфики описаний в публикациях установить достаточно непросто. Рассматривая вопросы погребальной обрядности кочевой элиты южноуральских nomadов на примере комплексов из некрополей Лебедевка II, Кырык-Оба II, Илекшар I, С.Ю. Гуцалов отмечает, что по погребальному обряду курганы этих некрополей в целом однородны и характеризуются тем, что «...в центре площадки находилась могильная яма, перекрытая мощной деревянной конструкцией, опиравшейся в свою очередь на вал из гравия и белой либо желтой глины, насыпанный на древней поверхности. У края могилы и на вершине глиняного вала возводились стены, выложенные из кирпича-сырца либо самана... большая часть их сваливалась внутрь погребальной конструкции, что наводит на мысль о наличии какого-то перекрытия, возможно, глиняного свода, под тяжестью которого стены обрушились к центру. В частности, подобную форму погребальной конструкции можно предполагать в курганах могильника Лебедевка II. В Кырык-Обе, вероятно, глиняный свод отсутствовал, так как там прослежены остатки деревянных шатров, опиравшихся на столб, установленный в центре ямы» [Гуцалов, 2007, с. 89].

В кургане 6 некрополя Лебедевка II конструкция из сырцовых кирпичей возводилась на деревянном накате (рис. 12,1). С.Ю. Гуцалов интерпретирует ее как земляной склеп, состоявший из двух помещений, стены внешнего помещения возводились по краю погребальной площадки, внутреннее строилось у среза могильной ямы прямо на деревянном помосте, который, судя по тексту описания, перекрывал могильную яму. Размер склепа 22 × 24 м, внутренняя часть – 17 × 17 м [Скифы … , 2007, с. 78; Гуцалов, 2007, с. 77–78; 2009а, с. 313]. Напрямую про перекрытие помещений из сырцовых кирпичей ничего не сказано, отмечается, что «внутренняя часть склепа… была полностью покрыта органическим перекрытием (толщина 2–10 см), которое представляло собой слой хвойной и (или) березовой коры, накрытый сверху тростником и (или) берестой (возможно, луб)... в центре настила, под корой были расчищены березовые бревна небольшого диаметра… дерево закрывало могильную яму, располагавшуюся в центре кургана» [Скифы … , 2007, с. 78]. Являлось ли это органическое перекрытие крышей мавзолея или же накат из бревен внутри сырцового помещения дополнительно устился корой – не ясно. Вероятно, это остатки легко- го перекрытия мавзолея, но и исключать второй вариант нет никаких веских оснований. Поэтому данное плоское перекрытие сооружения из сырцовых кирпичей в этом кургане следует считать с большой долей условности.

В работе 2011 г. о погребальных конструкциях некрополя Кырык-Оба II С.Ю. Гуцалов пишет: «...над могилами возводились глиняные сооружения квадратно-прямоугольной или многогранной форм размерами 10 × 10 м и более. Стены шириной в 1 м, сохранившиеся на высоту 1,5 м, выкладывались в четыре кирпича. Земляные сооружения дополнялись деревянными конструкциями шатрового или срубного типов, опиравшимися на глиняные валы, возведенные по периметру курганов или на опорные столбы по центру отдельных ям» [Гуцалов, 2011б, с. 93]. Насколько можно понять из описаний этих сложных надмогильных сооружений, в курганах могильника Кырык-Оба II фиксировались перекрытия из радиально уложенных жердей, бревен и плах, которые опирались на вал и в ряде случаев на систему

опорных столбов, перекрывая постройки из сырцовых кирпичей.

Для кургана 2 могильника Лебедевка II на погребенной почве отмечено наличие глиняного вала квадратной в плане формы, внутри которого все пространство было покрыто деревянными плахами, накрытыми сверху корой, причем кора местами была уложена за внешней стороной вала. Основу сложной погребальной конструкции составляла могильная яма, над которой возводилась деревянная конструкция в виде шатра, опиравшаяся на столбы. Наличие самана позволило С.Ю. Гуцалову предположить наличие многогранного в плане сооружения из массивных сырцовых кирпичей, возведенного на периферии погребальной площадки [Гуцалов, 2011б, с. 84]. Исходя из описания кургана, можно гипотетически заключить, что выявленные остатки шатрового сооружения, опиравшись на глиняный вал, перекрывали и сырцовую постройку. В кургане 16 могильника Кырык-Оба II над могилой фиксировался глиняный склеп квадратной формы (11 × 11 м), сильно разрушенный вследствие пожара (рис. 12,3). Пространство внутри склепа было покрыто тростником. Остатки деревянной конструкции описываются следующим образом: «От стенок погребального храма в сторону вала были радиально уложены деревянные жерди и ветки, которые опирались на столбы, установленные вокруг могильной ямы. На периферии деревянной конструкции бревна и ветки располагались по периметру вала. Таким образом, это было сооружение шатрового типа» [Скифы … , 2007, с. 80].

Остатки сгоревшего сооружения шатрового типа, которое опиралось на грунтовый вал и перекрывало стены из сырцового кирпича, С.Ю. Гуцаловым отмечается для погребальной конструкции кургана 18 могильника Кырык-Оба II [Гуцалов, 2010, с. 58] (рис. 12,4). Похожая конструкция фиксируется и в кургане 19 этого же некрополя (рис. 12,5), где на погребенной почве просматривался кольцевой вал, в профилях наблюдался развал постройки из глины и сырцовых кирпичей и «от центра сооружения к валу радиально располагались крупные деревянные плахи шириной до 20 см, лежавшие на погребенной почве и опиравшиеся по центру на столбы... плахи были

покрыты жердями и ветками, а те, в свою очередь, слоем камыша и коры... на периферии плахи располагались вдоль периметра вала. Следовательно, и здесь изначально было сложное сооружение шатрового типа» [Гуцалов, 2010, с. 62].

В кургане 12 в этом же могильнике фиксировался квадратной в плане формы вал из материковой глины и постройка из сырцовых кирпичей (рис. 12,6). Погребальная площадка была покрыта деревянными плахами, расположившимися вокруг могилы в виде квадрата. Доски укладывались параллельно валу и сверху были покрыты корой. Плахи фиксировались до середины глиняного вала. Архитектура сооружения представлена следующим образом: «...зафиксированные наслоения являются остатками сложной погребальной конструкции, основу которой составляла могильная яма, выкопанная по центру кургана. У ее краев было воздвигнуто здание из массивных сырцовых кирпичей. Большая часть его впоследствии рухнула внутрь могильной ямы» [Гуцалов, 2011б, с. 84]. Судя по тому, что деревянные плахи фиксировались на валу, гипотетически можно предположить, что плоское деревянное перекрытие в виде наката накрывало и сырцовое здание, хотя в тексте описаний конкретно об этом не говорится.

Относительно глиняного мавзолея, выявленного в кургане 1 некрополя Илекшар I (рис. 12,2) С.Ю. Гуцаловым сказано следующее: «Могильный склеп имел в плане квадратную форму, размеры примерно 36 × 36 м; на погребенной почве был настил из тонких плах шириной ок. 15 см... основное погр. 4 выявлено в центре кургана. Яма (8,2 × 8,3 м), имевшая вид пятиступенчатой пирамиды, обращенной вершиной вниз, с уступами по углам была ориентирована сторонами по странам света с отклонением в 30°» [Гуцалов, 2007, с. 81]. В специальной работе 2009 г., посвященной данному комплексу, дополнительных сведений, за исключением уточнения ширины стен до 3 м о надмогильной конструкции не приводится [Гуцалов, 2009б, с. 74]. Было ли у мавзолея перекрытие или же на погребенной почве фиксировалось перекрытие в виде наката над погребальной камерой, автором публикации не уточняется. Однако в аналитической части публикации С.Ю. Гуцало-

вым приводится круг аналогий из комплексов южноуральских номадов, в которых надмогильные деревянные конструкции «как правило... опирались на вал, окаймляющий погребальную площадку...» [Гуцалов, 2009б, с. 75]. Можно лишь гипотетически предположить, исходя из приводимых С.Ю. Гуцаловым аналогий, что речь может идти о плоском перекрытии глиняного сооружения в виде наката. Хотя представить такое перекрытие на площади 36 × 36 м без серьезных дополнительных опорных конструкций довольно сложно. На мой взгляд, здесь более реальным выглядит сооружение плоского перекрытия-настила на погребенной почве, перекрывающее центральную камеру.

Сложная погребальная постройка с использованием сырцовых кирпичей была зафиксирована В.А. Скарбовенко в кургане 5 могильника Березки I (рис. 12,7). Описание конструкции в публикации дается очень объемно, подробно описаны все зафиксированные детали. В основании погребального сооружения находилась квадратная могильная яма, выкопанная в чашевидном котловане. В качестве стены объемного надмогильного сооружения вокруг котлована был возведен вал, поверхность которого была укреплена березовыми жердями, уложенными в два слоя. Жерди верхнего слоя укладывались вдоль оси вала перпендикулярно жердям нижнего слоя, выложенным поперек оси вала. Площадь внутри вала (кроме шахты и соединенного с ней дромоса) была выложена сплошным слоем сырцового кирпича. Края этой кладки примазаны к подошве вала и слегка поднимались вверх по его склону. Перекрытие надмогильной конструкции описывается следующим образом: «Наземное погребальное сооружение было перекрыто окружной плоской кровлей, опиравшейся своими краями на вал. Диаметр кровли – 15,2 × 16 м. Основанием кровли служил деревянный настил. На настиле тонким слоем были рассыпаны целые двусторчатые пресноводные моллюски... Поверх слоя моллюсков были уложены сырцовые кирпичи. Кирпичная кладка имела радиально-кольцевой порядок...» [Скарбовенко, 2005, с. 384–385, 386]. Такая кровля, как отмечает В.А. Скарбовенко, была довольно тяжелой и требовала дополнительной опорной

конструкции, однако «почти все деревянные детали кровли сгорели дотла. Но в... фрагментах минеральной составляющей кровли обнаружены пустоты с отпечатками древесной коры, которые позволяют предполагать наличие в составе кровли древесных стволов диаметром 10–12 см. Расположение отпечатков подчинено радиальной схеме... Вероятно, имелась также центральная опора...» [Скарбовенко, 2005, с. 387]. В целом архитектура надмогильного сооружения кургана характеризуется тем, что «...в нашем случае вал выполняет роль стены, на которую опирается плоская крыша сооружения» [Скарбовенко, 2005, с. 392].

Таким образом, наличие надмогильных деревянных конструкций в памятниках южноуральских номадов скифского времени характерно для всех основных типов погребального обряда. Они известны для захоронений в рамках ингумации, причем и для погребений в ямах, и для погребений на древнем горизонте. Остатки деревянных сооружений фиксируются в курганах с полной или частичной кремацией.

Типология деревянных надмогильных конструкций

Сведения об известных к настоящему времени надмогильных сооружениях позволяют распределить их, исходя из конструктивных особенностей и строительных приемов, по некоторым типам: простые перекрытия, прямоугольные и многоугольные каркасно-столбовые постройки со стенами из горизонтально уложенных бревен и плоскими перекрытиями, шатровые сооружения, легкие прямоугольные и круглые каркасно-столбовые постройки, деревянные настилы, деревянные конструкции сырцовых мавзолеев. Подтипы выделяются по формам и особенностям конструкций. Кроме того, исходя из способа захоронения, выделяются варианты (А – в могильной яме, Б – захоронения на древнем горизонте). Необходимо отметить, что типология деревянных надмогильных сооружений существенным образом осложняется спецификой источника. Уровень сохранности, качество фиксации, степень разрушения при ограблениях в значительной мере ограничива-

ют полноту информации о надмогильных конструкциях. Многие конструктивные детали, в силу объективных причин, не могут быть идентифицированы в принципе и реконструируются только гипотетически. В рамках данной работы предлагается вариант типологии надмогильных деревянных конструкций в курганах южноуральских номадов середины I тыс. до н.э., исходя из имеющегося комплекса источников и их интерпретации различными исследователями.

Тип I. Плоские перекрытия (накаты) грунтовых ям с опорой на древнюю поверхность. Характерны для захоронений в квадратных и прямоугольных ямах (рис. 1,1–6). В представленной выборке рассматривались только центральные погребения. Учтено 47 комплексов, из которых 31 погребение расположено в бассейне среднего течения р. Урал и на р. Илек (Урало-Илекский локальный центр), 7 погребений находятся в Урало-Орском локальном центре, 9 погребений исследовано в бассейнах меридионального течения р. Урал и р. Сакмары в Зауральских районах (Урало-Сакмарский локальный центр). Как правило, перекрытия этого типа имеют очень плохую сохранность, в том числе и в результате ограблений, и во многих случаях их наличие констатируется по небольшим фрагментам дерева в заполнении, либо на древней поверхности около могильной ямы.

Прямоугольные или квадратные перекрытия (накаты) устраивались из жердей, коры, бревен или плах поверх могильной ямы с опорой на дневную поверхность. Фиксируются как однослойные перекрытия, так и конструкции, уложенные в два слоя. В многослойных накатах дерево укладывалось перпендикулярно. Двухслойные перекрытия с перпендикулярным расположением бревен относительно хорошей сохранности зафиксированы в курганах 1 и 2 Яковлевского курганного могильника и Яковлевского I одиночного кургана [Федоров, Васильев, 1998, с. 62–65, рис. 4,1, 6,2]. В погребении 2 кургана 27 могильника Лебедевка V перекрытие дополнительно поддерживалось столбами, установленными в яме [Железчиков и др., 2006, с. 16, рис. 34,3]. Обугленный двойной деревянный накат над основным погребением, уложенный на попечных балках и поддерживаемый опорным

столбом в центральной части могильной ямы был обнаружен в кургане 6 могильника Таксай I [Сдыков, Лукпанова, 2013, с. 125–128, рис. 8–10]. Интересная конструкция была выявлена в кургане 1 могильника Солянка II («Лиманы»). В прямоугольной яме центрального погребения, перекрытой поперечным бревенчатым накатом, вдоль стен находились бревна, уложенные встык, – по два бревна вдоль длинных стенок и по одному бревну вдоль коротких [Кушаев, 1993, с. 71].

Тип II. Деревянные каркасно-столбовые постройки прямоугольных и многоугольных форм со стенами из горизонтально уложенных бревен и плоскими перекрытиями. Такие конструкции, установленные на древней поверхности, фиксировались в курганах с центральными захоронениями в ямах и с погребениями на древнем горизонте.

Тип II.1. Каркасно-столбовые прямоугольные постройки с плоским перекрытием, стенами из горизонтально уложенных бревен и парными вертикальными столбами. По способу захоронения они распределяются по двум вариантам:

Тип II.1. Вариант А. Прямоугольные постройки над погребениями в могильных ямах (рис. 2,1–6, 3,1). Такие конструкции известны над квадратными и широкими прямоугольными ямами в могильниках Урало-Илекского локального центра. Мощные прямоугольные деревянные сооружения со стенами из нескольких рядов горизонтально уложенных бревен и плах с плоскими перекрытиями фиксировались в курганах 4, 6, 8 могильника Пятимары I [Смирнов, 1964, с. 88–89; 1975, с. 20, 26, 29–30]. В кургане 8 деревянная прямоугольная постройка, внутри которой помимо захоронения в яме обнаружены погребения воинов на древнем горизонте [Смирнов, 1964, с. 88]. Обращает на себя внимание конструкция в кургане 2 из Тара-Бутака, где фиксировалась постройка в виде квадратного сооружения, в котором вокруг могилы были уложены бревна в виде двух концентрических кругов [Смирнов, 1964, с. 87; 1975, с. 40]. Вероятнее всего, судя по относительно сохранившимся северо-восточному и северо-западному углу конструкции, здесь изначально была прямоугольная постройка с плоской крышей, а так называемые концентрические круги из

бревен есть результат развода этой постройки. В кургане 1 могильника у с. Покровка (раскопки И.А. Кастанье 1911 г.) было выявлено деревянное сооружение в форме правильного четырехугольника, стены которого были укреплены столбами, втыкаемыми вертикально [Смирнов, 1964, с. 88]. Подквадратная постройка каркасно-столбового типа с парными столбами вдоль стен выявлена в кургане 15 могильника Кырык-Оба II [Гуцалов, 2010, с. 52, рис. 2,1]. В Урало-Сакмарском междууречье такие постройки фиксируются в кургане 2 некрополя Ивановские III курганы [Пшеничнюк, 1983, с. 38, рис. 10, табл. XXVIII,2] и кургане 1 могильника Булатово-1 [Исмагил, Сунгатов, 2013, с. 69, рис. 41]. Вероятнее всего, к этому же типу относится постройка, выявленная в кургане 8 могильника Сибай I [Васильев, Федоров, 2021, с. 38, рис. 20, 21]. Здесь, так же как и в кургане 8 могильника Пятимары I, фиксируется погребальная конструкция над погребением в прямоугольной яме. Внутри постройки рядом с могилой было совершено захоронение «стражника» на древнем горизонте.

Тип II.1. Вариант Б. Прямоугольные постройки над погребениями на древнем горизонте (рис. 3,2–4). Каркасно-столбовые прямоугольные сооружения выявлены в курганах Урало-Илекского бассейна. В кургане 5 могильника Илекшар I обнаружена прямоугольная погребальная постройка. С.Ю. Гуцалов определяет конструкцию как сруб, перекрытый накатом, указывая при этом, что его основу составляли столбы, располагавшиеся на погребальной площадке, на которой зафиксированы парные круглые ямки. Сама могильная яма прямоугольной формы углублена от уровня погребенной почвы до 0,24 м, что позволяет относить ее к погребениям, фактически осуществленным на древней поверхности [Гуцалов, 2007, с. 86, рис. 16,1]. Помимо этого, деревянная конструкция прямоугольной формы была выявлена в кургане 1 могильника Нагорненский. Ее стены состояли из рядов горизонтально уложенных бревен, а жесткость конструкции обеспечивали попарно вкопанные по углам бревна [Мамедов, Тажибаева, 2013, с. 44, рис. 1,2]. Квадратная постройка с плоским перекрытием над погребением на древнем горизонте выявлена в кургане 5

могильника Бесоба в верховьях р. Илек [Кадырбаев, 1984, с. 89]. Подобная постройка из березовых бревен или горбылей, предположительно, была сооружена над погребением на древнем горизонте в кургане 3 могильника Тара-Бутак [Смирнов, 1964, с. 88]. Возможно, судя по описанию Л.В. Купцовой с соавторами, такой же характер имела прямоугольная сгоревшая конструкция в кургане 1 III Тоцкого могильника [Купцова и др., 2023, с. 210]. В ряде погребальных комплексов они известны в Урало-Сакмарском локальном центре, в таких как курган 1 могильника Ивановские III курганы [Пшеничнюк, 1983, с. 37–38, табл. XXVIII, I], в курганах 12, 17 могильника Сибай II курганы 12, 17 [Пшеничнюк, 1983, с. 56, 57, рис. 14]. А.Х. Пшеничнюк отмечал наличие парных канавок в погребенной почве, в которые укладывался нижний ряд бревен (венцы) постройки в кургане 1 могильника Ивановские III курганы, так же, как и для аналогичной постройки в кургане 2 над могильной ямой.

В устье реки Орь погребения на древнем горизонте с каркасно-столбовой надмогильной конструкцией к настоящему времени не известны.

Тип II.2. Многоугольные конструкции с плоским перекрытием, стенами из горизонтально уложенных бревен и парными вертикальными столбами. Такие постройки представляют собой сложные сооружения, стены которых выкладывались в виде многоугольника из горизонтально уложенных бревен по каркасно-столбовой технологии. Вероятнее всего, такие постройки имели плоское перекрытие и систему опорных столбов. Они также по способу захоронения известны в двух вариантах:

Тип II.2. Вариант А. Многоугольные конструкции с плоскими перекрытиями, стены которых построены из горизонтально уложенных бревен (рис. 4, 1, 2). Сооружены на древней поверхности над могильными ямами. Они выявлены в кургане Темир [Зданович, Хабдулина, 1987, рис. 3] и одиночном кургане Яковлевка 2 [Сиротин, 2009, рис. 77]. Известны только лишь в Урало-Сакмарском локальном центре.

Тип II.2. Вариант Б. Многоугольные конструкции с плоскими перекрытиями, сте-

ны которых построены из горизонтально уложенных бревен (рис. 4, 3). Сооружены над погребениями на древнем горизонте. М.К. Кадырбаев в известной публикации 1984 г., посвященной курганным некрополям верховьев р. Илек, упоминает два случая таких построек по итогам исследований курганов Бесобы, Кумиссая и Сынтаса [Кадырбаев, 1984, с. 85]. В качестве наиболее показательного комплекса с такой архитектурой приводятся материалы кургана 9 некрополя Бесобы [Кадырбаев, 1984, с. 89–91; Мышкин, 2011, рис. 3, 2; Мамедов, Тажибаева, 2013, рис. 1, 1]. Относительно второго комплекса с подобной постройкой в данной публикации никаких сведений не приводится.

Тип III. Шатровые конструкции, построенные из дерева, иногда с использованием коры, веток и т. д. с фиксируемым радиальным расположением бревен и плах. Они характеризуются отсутствием стен на древнем горизонте вокруг могилы из горизонтально уложенных в несколько венцов бревен. Кроме того, такие конструкции не имеют вертикально врытых вокруг погребения столбов, которые предположительно являются каркасом для стен из камыша. Фактически представляют собой невысокие перекрытия из радиально уложенных бревен или плах над могильными ямами или захоронениями на древнем горизонте.

Тип III. Вариант А. Шатровые конструкции над захоронениями в могильных ямах. Шатровые сооружения этого варианта можно разделить на два подварианта по наличию или отсутствию опорной столбовой системы в могильных ямах. Во многом такое разделение является условным, поскольку плохая сохранность дерева не позволяет во всех случаях определенно утверждать наличие или отсутствие столбов. Не исключено, что в некоторых сооружениях столбы могли и не вкапываться, а устанавливаться. Однако необходимо отметить, что в таком случае прочность постройки вызывает вопросы. В данной ситуации критерием для разделения на подварианты является наличие или отсутствие зафиксированных столбовых ям внутри могильной камеры.

Тип III. Вариант А.1. Шатровые конструкции, в которых опорные столбы в каме-

рах не выявлены или фиксировались только вдоль дромоса (рис. 5,1–6, 6,1–3,5,6, 7,1–4). Во многих курганах на уровне древней поверхности имелись кольцевые валики из материевого суглинка или смешанного грунта вокруг центральных погребений. Наибольшее количество таких конструкций (в 16 курганах) известно в некрополе Филипповка 1 [Пшеничнюк, 2012; Яблонский, 2013; Сиротин и др., 2019; Яблонский и др., 2023]. Интересная конструкция была встречена в кургане 6 этого некрополя (рис. 5,2). В данном кургане, помимо собственно бревен, уложенных радиально, фиксируются размещенные поверх них связующие элементы, придающие дополнительную прочность всей конструкции. Не исключено, что такие же элементы могли быть и в других шатровых сооружениях, однако выявить их ввиду плохой сохранности дерева является весьма проблематичным. В этом же Урало-Илекском бассейне шатровое сооружение обнаружено в кургане 3 могильника Бесоба [Кадырбаев, 1984, с. 85]. Обращает на себя внимание конструкция в кургане 1 могильника Сынтас. Здесь под шатровым перекрытием было выявлено погребение в неглубокой яме и рядом с ним еще три на древней поверхности [Кадырбаев, Курманкулов, 1976, с. 141]. Шатровые конструкции известны в кургане 3, 15, 18 могильника Уркач I [Мамедов и др., 2022, рис. 4, 8,1, 12,1], в кургане 2 могильника Булдурута I [Бисембаев, Мамедов, 2018, рис. 2]. Кроме того, в Урало-Сакмарском локальном центре они представлены в курганах могильника Переволочан 1 (курганы 10, 12) [Пшеничнюк, 1995, с. 78 рис. 10,1; Сиротин, 2020, рис. 2,2], возможно, в кургане 3 этого же некрополя [Пшеничнюк, 1983, с. 65, рис. 16], в Большом Климовском кургане, кургане 2 могильника Обручевский [Тайров, 2000, рис. 42,1, 44,1–3]. В устье р. Орь шатровая конструкция обнаружена в кургане 26 могильника Новый Кумак [Смирнов, 1977, рис. 15].

Тип III. Вариант А.2. Шатровые конструкции, в которых выявлены опорные столбы в камерах (рис. 6,4, 7,5,6). Шатровое сооружение со столбом в центре могильной ямы известно в кургане 22 могильника Уркач I [Мамедов и др., 2022, рис. 13,1]. Четыре столбовые ямки зафиксированы в центральной части дромосного

погребения в кургане 3 могильника Авласовские курганы [Сиротин, 2013, рис 1, 2]. Опорные столбы для шатрового перекрытия были в кургане 11 могильника Переволочан 1 [Сиротин, 2010а, рис. 2,1–3], где в могильной яме центрального погребения на дне отчетливо фиксировались столбовые ямки.

Тип III. Вариант Б. Шатровые конструкции над захоронениями на древнем горизонте.

Тип III. Вариант Б.1. Шатровые конструкции, в которых опорная система в виде рамы или отдельных опорных столбов не выявлена (рис. 8,1,2,3,6, 9,1,3). Такие сооружения отмечены в могильнике Филипповка 1 (курганы 9, 15, 24) [Пшеничнюк, 2012; Яблонский, 2013], могильнике Бесоба (курган 4) и кургане Жалгызыбы [Кадырбаев, 1984, с. 85–86], кургане 1 могильника Покровка 2 [Веддер и др., 1993, с. 25, рис. 20], кургане 7 могильника Переволочан 1 [Пшеничнюк, 1995, с. 71, рис. 6,1] и кургане 4 могильника Переволочан 2 [Сиротин, 2010б, рис. 30, 72], кургане 2 могильника Биш-Уба 1 [Агеев и др., 1998, с. 99, рис. 12,1]. Интересное сооружение было обнаружено в кургане 6 могильника Сара, в котором столбы или рамы не выявлены, однако при этом шатровая конструкция опиралась на каменную кольцевую выкладку [Васильев, Федоров, 1994, с. 127].

Тип III. Вариант Б.2. Шатровые конструкции над захоронениями на древнем горизонте, в которых фиксировалась опорная конструкция в виде рамы или отдельных опорных столбов (рис. 8,4,5, 9,2,4). В верховьях р. Илек в кургане 4 могильника Бесоба под шатровым перекрытием находился многоугольник из бревен, в кургане Жалгызыба бревна под шатром располагались по кругу [Кадырбаев, 1984, с. 86]. Конструкции с опорой на прямоугольные рамы известны в кургане 8 могильника Альмухаметово [Пшеничнюк, 1983, с. 44] и кургане 6 могильника Переволочан 1 [Пшеничнюк, 1995, с. 69]. Отдельные немногочисленные столбовые ямки под остатками шатрового перекрытия были найдены в центральной части курганов 1 и 3 в могильнике Биш-Уба 1 [Агеев и др., 1998, с. 99, рис. 3, 13,1; Исмагил, Сунгатов, 2013, с. 75].

Тип IV. Каркасно-столбовые конструкции прямоугольной и округлой формы, основу

которых составляют врытые вертикально столбы. Стены и перекрытия в таких постройках не фиксировались. Исследователями предполагается наличие стен из камыша и легких перекрытий [Мышкин, 2017, с. 98]. Предположительно для прямоугольных построек перекрытие могло быть простым плоским, для круглых – радиально выложенным (шатровым). Данный тип надмогильных сооружений, с одной стороны, типологически близок к постройкам типа II.1.Б. и типа III.Б.2, с другой – отличия в строительной технологии, особенности этих конструкций, а также идентичность погребального обряда (захоронения на древнем горизонте), на мой взгляд, позволяют выделить их в отдельный тип.

Тип IV.1. Прямоугольные в плане каркасно-столбовые конструкции с системой вертикальных опорных столбов над погребениями на древнем горизонте (рис. 10,1). Такая конструкция, сгоревшая в ходе погребальной церемонии выявлена в кургане 2 могильника Сибай I [Васильев, Федоров, 2021, с. 28, рис. 12]. По всей видимости, аналогичное сооружение было в кургане 2 могильника Переволочан 2 [Сиротин, 2011, с. 383]². Оба комплекса расположены в Зауральской Башкирии. Вероятнее всего, к таким же постройкам относится конструкция из кургана 3 могильника Тара-Бутак левобережного Илека [Смирнов, 1964, рис. 17,1]. Однако в отличие от комплексов из Зауралья, где конструкция полностью сгорела и фиксируется фактически только лишь по столбовым ямам, К.Ф. Смирнов констатировал здесь наличие остатков бревен или горбылей в продольном и попечном направлении, но ничего не писал о столбах или столбовых ямах. Интерпретируя конструкцию, К.Ф. Смирнов отмечал, что «...сооружение... имело прямоугольную форму и было ориентировано с северо-востока на юго-запад. Длина этого сооружения 9 м, ширина 6,8 м... сооружение выглядит как плоский настил над погребением, совершенным на древнем горизонте без грунтовой ямы» [Смирнов, 1975, с. 43]. Отличительным признаком конструкции в этом погребальном комплексе является отсутствие огненного ритуала (рис. 10,2).

Тип IV.2. Круглые в плане каркасно-столбовые постройки с системой вертикаль-

ных опорных столбов над погребениями на древнем горизонте (рис. 11,1–4). Такие конструкции, выгоревшие полностью, выявлены в кургане 2 могильника Маровый шлях и кургане 1 могильника Солончанка II [Таиров, 2006, рис. 3,1, 8,1]. Судя по конфигурации опорных столбов, зафиксированных на подкурганной площадке, в таких конструкциях можно предполагать наличие легкого шатрового перекрытия. В кургане Акоба II обнаружена круглая каркасно-столбовая конструкция с относительно хорошей сохранностью шатрового перекрытия из радиально уложенных бревен [Моргунова, Краева, 2012, рис. 6, 7,1,2]. Возможно, к похожим конструкциям, но более основательной постройки, судя по описанию В.Н. Васильева и В.К. Федорова, относится надмогильное сооружение кургана 4 могильника Сосновка в Зауральской Башкирии [Васильев, Федоров, 2021, рис. 61, 62] (рис. 11,4). Исследователи отмечают, что основу деревянного сооружения в этом кургане «...представляла круговая столбовая конструкция диаметром 9 м... не исключено, что с южной стороны находился вход в сооружение, впрочем, возможно часть ямок здесь уничтожена грабительским вкопом... сооружение имело стены, сделанные из... березовых бревен, поставленных наклонно, так, что оно представляло собой шатер с плоской крышей», из уложенных в несколько слоев березовых бревен [Васильев, Федоров, 2021, с. 95, рис. 61, 62].

Тип V. Постройки в виде прямоугольных настилов (на подпорках или столбах), на которых совершалось погребение (рис. 10,2–4). Этот тип конструкций зафиксирован в кургане 6 могильника Аландское III, в кургане у с. Варна, где был осуществлен обряд кремации погребенных на настилах [Мошкова, 1972, с. 62–64; Таиров, Боталов, 1988, с. 100]. К этому же типу построек, по мнению А.Д. Таирова, относится конструкция в кургане 3 могильника Маровый Шлях, среди керамического комплекса которого имеются прямые аналогии материалам кургана 6 могильника Аландское III [Таиров, 2006, с. 87, рис. 5,1]. Однако вследствие плохой сохранности конструкции однозначно интерпретировать ее как настил для погребенного достаточно сложно и не исключены аналогии с конструкциями типа IV.1. В кургане 26 мо-

гильника Лебедевка VI было выявлено похоронение на деревянном настиле без применения огня в обряде [Железчиков и др., 2006, с. 26, рис. 56,2] (рис. 10,5).

Тип VI. Деревянные конструкции (плоские накаты и радиальные перекрытия) мавзолеев из сырцовых кирпичей. Возвведение мавзолеев из сырцовых кирпичей с использованием деревянных конструкций фиксируется для захоронений в ямах, в одном случае известны погребения на древнем горизонте внутри постройки. Исходя из описаний этих комплексов, приведенных выше, в двух курганах (курган 6 могильника Лебедевка II и курган 12 могильника Кырык-Оба II) характер деревянного перекрытия не вполне понятен и его определение весьма проблематично. В шести курганах с высокой степенью вероятности установлены перекрытия двух видов.

Тип VI.1. Деревянные плоские перекрытия (накаты), накрывающие сооружение из глиняных сырцовых кирпичей (рис. 12,2,6,7). Погребения внутри построек были в могильных ямах. Определенно зафиксировано в кургане 5 могильника Березки I [Скарбовенко, 2005, рис. 2, 3]. С большой долей условности похожее перекрытие можно предполагать для мавзолея в кургане 1 могильника Илекшар I, хотя характер конструкции из описаний вызывает вопросы [Гуцалов, 2009б, с. 72, 75, рис. 2]. Возможно плоское перекрытие могла иметь постройка в кургане 12 могильника Кырык-Оба II [Гуцалов, 2011а, рис. 2, 1] (рис. 12,6).

Тип VI.2. Вариант А. Перекрытия из радиально уложенных бревен или плах, накрывающие сооружения из глиняных сырцовых кирпичей (рис. 12,3,5). Выявлены в курганах 16 [Гуцалов, 2007, рис. 10; 2011б, рис. 4,1], 19 [Гуцалов, 2010, рис. 8] могильника Кырык-Оба II. Возможно, шатровую конструкцию имело перекрытие сырцового сооружения в кургане 2 могильника Лебедевка II [Гуцалов, 2011а, с. 84]. Захоронения в этих комплексах осуществлялись в могильных ямах.

Тип VI.2. Вариант Б. В кургане 18 радиальное перекрытие накрывало стены из сырцового кирпича, внутри которого находились захоронения на древнем горизонте [Гуцалов, 2010, с. 58, рис. 5,1] (рис. 12,4).

В кургане 6 могильника Лебедевка II стены сырцового мавзолея возводились на

плоском деревянном накате над могильной ямой. Что касается вопроса о характере перекрытия самого мавзолея, из текста описаний, как это было показано выше, ответить на него определенно не представляется возможным (рис. 12,3).

При анализе погребальных комплексов южноуральской кочевой знати обращают на себя внимание курганы с обширными центральными ямами дромосного типа и полностью сгоревшими деревянными конструкциями. Гипотетически наличие шатровых конструкций можно предполагать в курганах некрополя «Высокая Могила – Студеникин Мар»: группа 2 «Межевой Мар» (курганы 1, 3), группа 3 «Студеникин Мар» (курган 1), группа 4 «Богатырские Могилки» (курганы 2, 5), в которых общая архитектура курганов, планиграфия подкурганных площадок, сходные признаки погребального обряда, наличие дромосных могил, сходство погребального инвентаря имеют близкие параллели курганам Филипповки 1 с шатровыми надмогильными конструкциями [Сиротин и др., 2018; 2020] и Переволочана 1 [Пшеничнюк, 1995; Сиротин, 2020]. Кроме того, подобная ситуация с полностью сгоревшими деревянными конструкциями фиксировалась в курганах 2 и 5 некрополя Ивановские I курганы [Пшеничнюк, 1983, с. 35; Сиротин, 2022, с. 28]. Очевидно, что такая ситуация не является случайностью и не может быть объяснена так называемыми «благоприятными погодными условиями» горения (ветер, отсутствие дождя и т. д.). Эти погребальные постройки изначально строились по особой технологии, которая предполагала интенсивное и тотальное сгорание конструкции с обеспечением хорошего притока кислорода. Вероятнее всего, курганы с такими надмогильными сооружениями следует выделить в отдельный тип деревянных конструкций, идентификация которых пока возможна лишь гипотетически. В любом случае изучение курганов с такой архитектурой требует особого внимания, в том числе и с привлечением методов естественно-научных дисциплин.

Заключение

Строительство надмогильных деревянных сооружений связано с идеей камерных

погребений, в рамках обустройства сакрально-го пространства для захоронений. Наиболее простые конструкции представлены перекрытиями-накатами над могильными ямами (тип I). Сложными сооружениями являются постройки типа II.1, представляющие собой каркасно-столбовые постройки со стенами из горизонтально уложенных в несколько венцов бревен, укрепленными вертикально вкопанными столбами и плоским перекрытием-накатом. Как показал анализ источников, термин «сруб» для таких построек не вполне корректен, поскольку собственно техника сруба здесь не использовалась. Особой сложностью отличаются многоугольные постройки типа II.2. Более простой версией прямоугольных конструкций с точки зрения строительной технологии являются каркасно-столбовые постройки восточноприаральского облика (тип IV.1). Наибольшим разнообразием в рамках применения строительных приемов отличаются шатровые сооружения. С точки зрения общей концепции создания гробницы юртового облика им соответствуют постройки типа III. Близкой, но более упрощенной версией таких конструкций является тип IV.2. Однако при наличии общей семантической линии, технически сооружения этих типов построены по-разному. Причем для конструкций, основу которых составляют вертикально врытые столбы и предположительно стены из камыша (тип IV.2) отчетливо прослеживаются восточноприаральские параллели. Вероятнее всего, в рамках мировоззренческой идеи шатров могли сооружаться постройки типа II.2, имеющие многоугольную юртовую планировку. Однако, если исходить из описаний их конструкций, в этих сооружениях отсутствует такой важный отличительный элемент шатровых построек, как перекрытие из радиально уложенных бревен, плах или жердей. Концепция радиального перекрытия фиксируется в сырцовых мавзолеях (тип VI.2), принадлежащих к особой категории сооружений. Отдельными видами относительно простых конструкций являются постройки в виде настилов (тип V).

Таким образом, в курганах южноуральских nomadов конца VI – IV в. до н.э. выявлены разнообразные по своей конструкции де-

ревянные надмогильные сооружения, что говорит о сложности и многокомпонентности погребального обряда, с одной стороны, а с другой – свидетельствует об очень пестром этнокультурном составе племен, населявших степи Южного Урала в середине I тыс. до н.э. В конце VI – V в. до н.э. отмечается большее разнообразие в технике обустройства надмогильных деревянных сооружений. В этот период наряду с простыми плоскими перекрытиями фиксируются каркасно-столбовые постройки разных типов и вариантов, встречаются шатровые сооружения, настилы и захоронения в сырцовых глиняных мавзолеях. Существенный процент при этом составляют захоронения на древнем горизонте. В IV в. до н.э. такое разнообразие погребальных конструкций унифицируется, что было связано с этноэволюционными процессами в южноуральской степи в ходе оформления памятников филипповского круга. Больше не строятся сырцовые мавзолеи, в меньшей степени практикуется обряд захоронений на дневной поверхности. Среди сложных деревянных надмогильных сооружений значительный процент составляют шатровые конструкции [Сиротин, 2021]. Погребальные сооружения южноуральских nomадов имеют параллели среди погребальных комплексов степной Северной Евразии в скифском и сакском мире [Ольховский, 1991; Гуцалов, 2011б; Мышкин, 2014; Березуцкий, 2011; Маслов, 2024], что свидетельствует о наличии общих концептуальных категорий в мировоззрении и культово-ритуальных системах кочевого населения степного пояса.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исследование выполнено по госзаданию ИА РАН, № НИОКТР 122011200269-4.

The research was carried out according to the state assignment from the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, No. NIOKTR 122011200269-4.

² В публикации 2011 г. конструкция названа конусовидной, однако расположение столбовых ям в виде прямоугольника размерами 5 × 5,7 м предполагает прямоугольную основу погребального сооружения.

ПРИЛОЖЕНИЯ

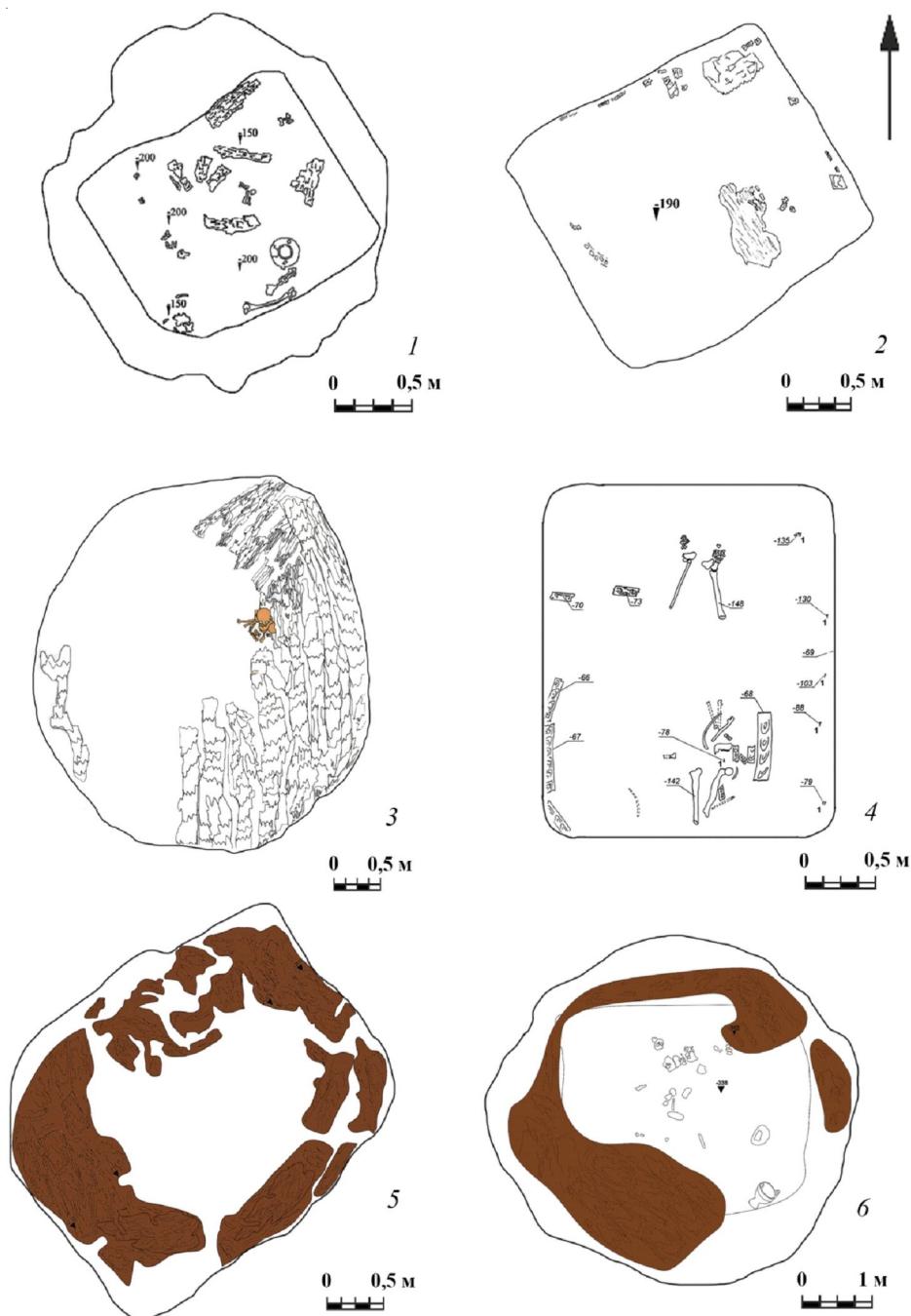

Рис. 1. Погребения с деревянными перекрытиями могильных ям:

1 – Лебедевка II, кург. 4; 2 – Лебедевка II, кург. 8, погр. 1; 3 – Урысай-2, кург. 13, погр. 1;
4 – Сибай I, кург. 1, погр. 1; 5 – Жагабулак I, кург. 1, погр. 3; 6 – Жагабулак I, кург. 3, погр. 3.

1, 2 – (по: [Гутцалов, 2009а, рис. 4, 5, 6, 3]); 3 – (по: [Лукпанова, 2022, рис. 6, 1]);
4 – (по: [Васильев, Федоров, 2021, рис. 4]); 5, 6 – (по: [Мамедов и др., 2022, рис. 40, 1, 67, 1])

Fig. 1. Burials with wooden roofing of burial pits:

1 – Lebedevka II, kurgan 4; 2 – Lebedevka II, kurgan 8, burial 1; 3 – Urysay-2, kurgan 13, burial 1;
4 – Sibay I, kurgan 1, burial 1; 5 – Zhagabulak I, kurgan 1, burial 3; 6 – Zhagabulak I, kurgan 3, burial 3.

1, 2 – (after: [Gutsalov, 2009, fig. 4, 5, 6, 3]); 3 – (after: [Lukpanova, 2022, fig. 6, 1]);
4 – (after: [Vasiliev, Fedorov, 2021, fig. 4]); 5, 6 – (after: [Mamedov et al., 2022, fig. 40, 1, 67, 1])

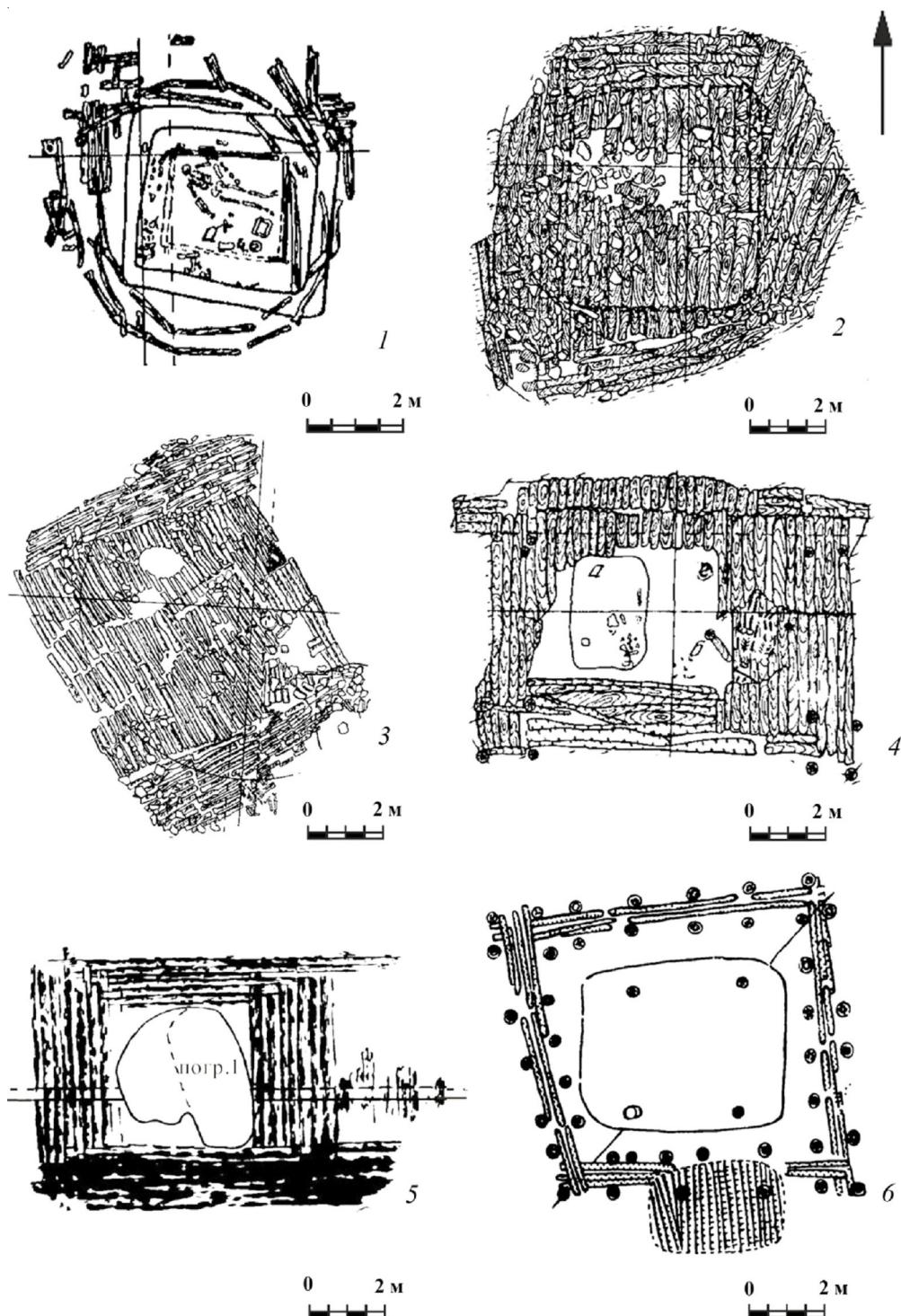

Рис. 2. Прямоугольные каркасно-столбовые конструкции над могильными ямами:

1 – Тара-Бутак, кург. 2; 2 – Пятимары I, кург. 4; 3 – Пятимары I, кург. 6; 4 – Пятимары I, кург. 8, погр. 1;
5 – Булатово-1, погр. 1; 6 – Ивановка III, кург. 2, погр. 1.
1–4 – (по: [Смирнов, 1964, рис. 18, I, 31, 29, I, 25]); 5 – (по: [Имагил, Сунгатов, 2013, рис. 41]);
6 – (по: [Пшеничнюк, 1983, табл. XXVIII, 2])

Fig. 2. Rectangular frame-and-pillar structures over the grave pits:

1 – Tara-Butak, kurgan 2; 2 – Pyatimary I, kurgan 4; 3 – Pyatimary I, kurgan 6; 4 – Pyatimary I, kurgan 8, burial 1;
5 – Bulatovo-1, burial 1; 6 – Ivanovka III, kurgan 2, burial 1.
1–4 – (after: [Smirnov, 1964, fig. 18, I, 31, 29, I, 25]); 5 – (after: [Ismagil, Sungatov, 2013, fig. 41]);
6 – (after: [Pshenichnyuk, 1983, table XXVIII, 2])

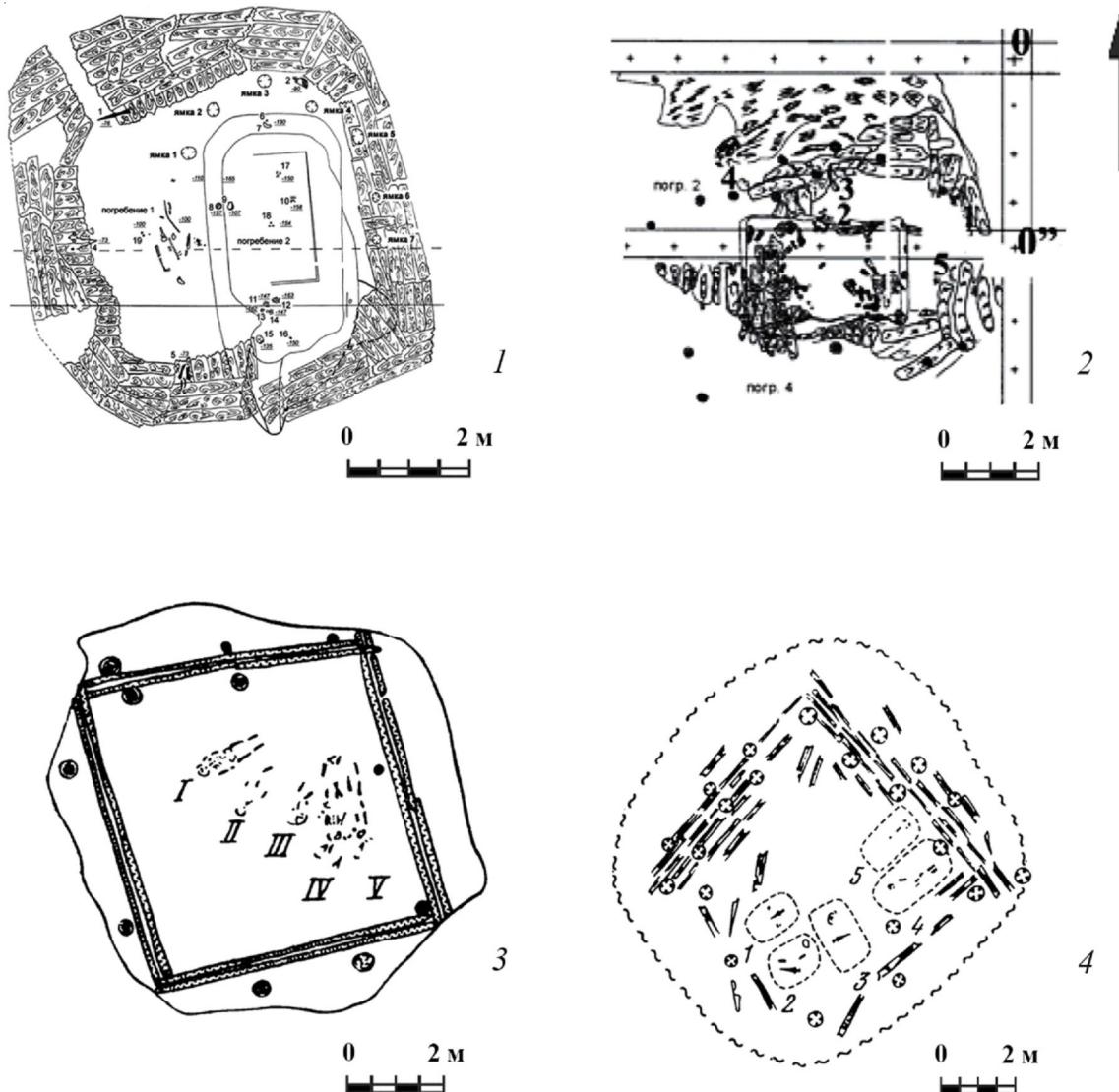

Рис. 3. Прямоугольные каркасно-столбовые конструкции над захоронениями на уровне дневной поверхности:

1 – Сибай I, кург. 8; 2 – Илекшар I, кург. 5; 3 – Ивановка III, кург. 1; 4 – Сибай II, кург. 17.

1 – (по: [Васильев, Федоров, 2021, рис. 20, 21]); 2 – (по: [Гуталов, 2007, рис. 16, I]);

3 – (по: [Пшеничнюк, 1983, табл. XXVIII, I]); 4 – (по: [Пшеничнюк, 1983, рис. 14])

Fig. 3. Rectangular frame-and-pillar structures above burials on the ground surface:

1 – Sibay I, kurgan 8; 2 – Ilekshar I, kurgan 5; 3 – Ivanovka III, kurgan 1; 4 – Sibay II, kurgan 17.

1 – (after: [Vasiliev, Fedorov, 2021, figs. 20, 21]); 2 – (after: [Gutsalov, 2007, fig. 16, I]);

3 – (after: [Pshenichnyuk, 1983, table XXVIII, I]); 4 – (after: [Pshenichnyuk, 1983, fig. 14])

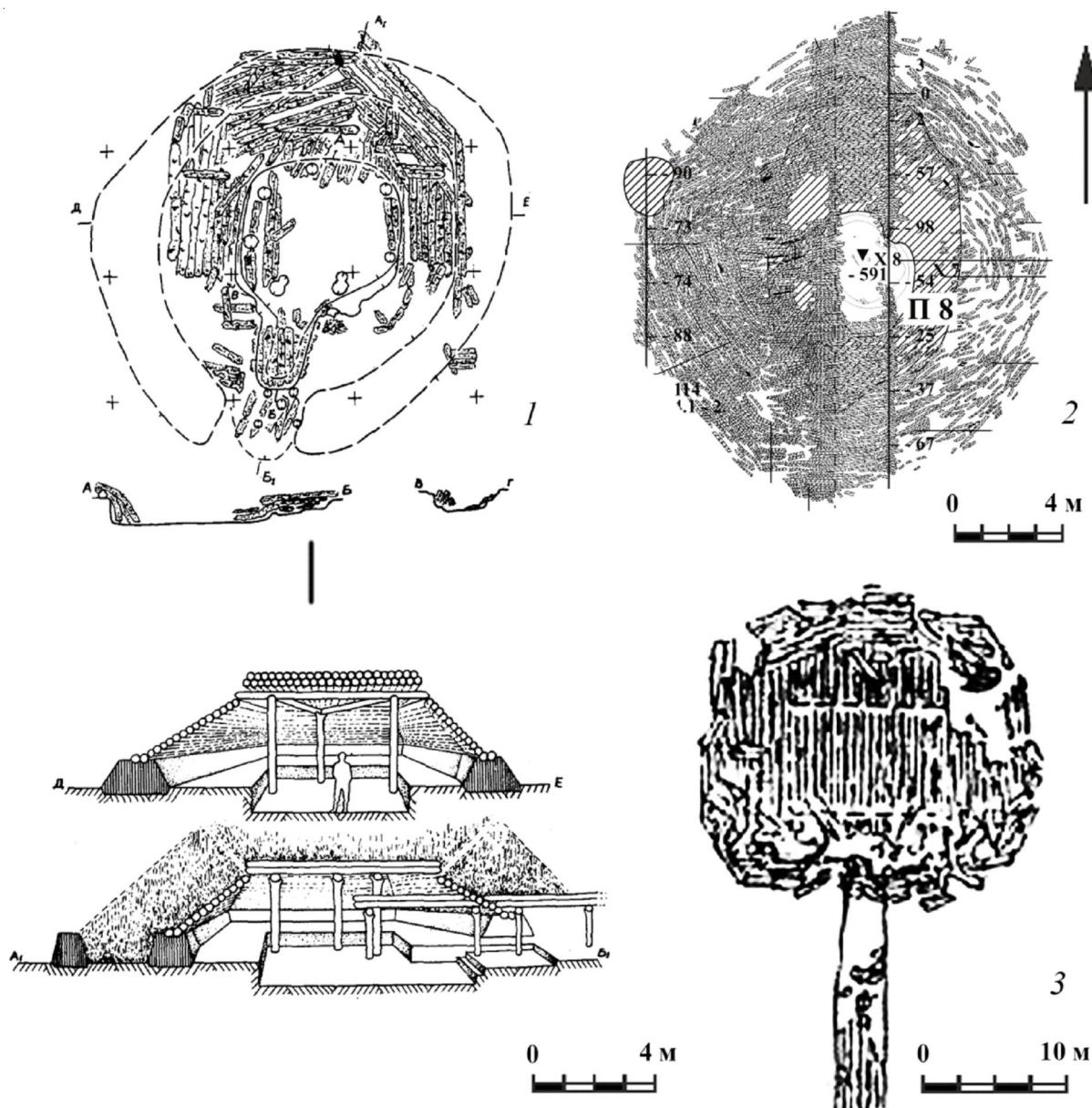

Рис. 4. Многоугольные деревянные конструкции:

1 – кург. Темир; 2 – кург. Яковлевка 2; 3 – Бесоба, кург. 9.

1 – (по: [Зданович, Хабдулина, 1987, рис. 3]); 2 – (по: [Сиротин, 2009, рис. 77]); 3 – (по: [Мышкин, 2011, рис. 3,2])

Fig. 4. Polygonal wooden structures:

1 – Temir kurgan; 2 – Yakovlevka kurgan 2; 3 – Besoba, kurgan 9.

1 – (after: [Zdanovich, Khabdulina, 1987, fig. 3]); 2 – (after: [Sirotin, 2009, fig. 77]); 3 – (after: [Myshkin, 2011, fig. 3,2])

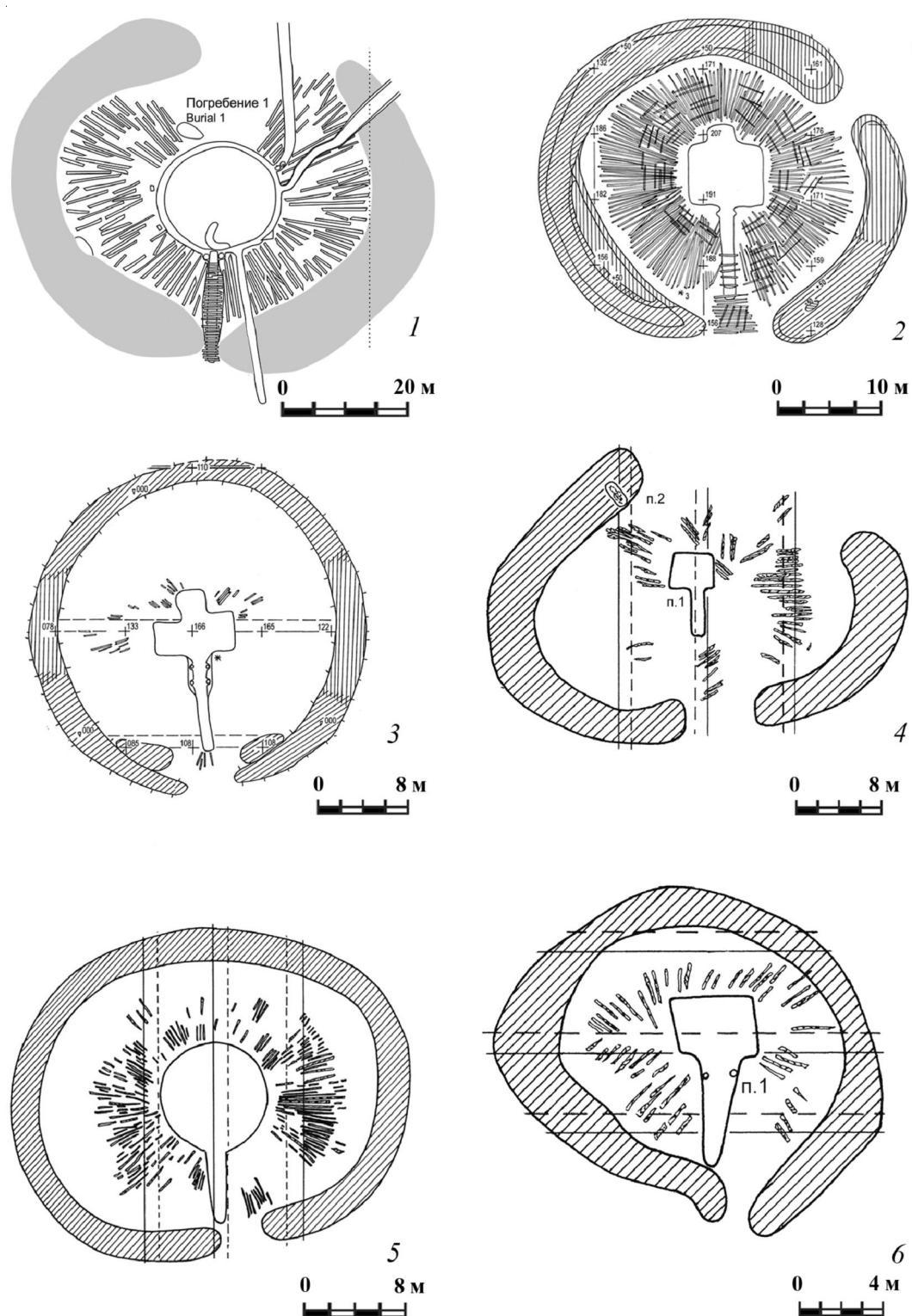

Рис. 5. Шатровые конструкции могильника Филипповка 1 над погребениями в могильных ямах:

1 – кург. 1; 2 – кург. 6; 3 – кург. 7; 4 – кург. 23; 5 – кург. 10; 6 – кург. 17.

1 – (по: [Яблонский и др., 2023, рис. 27]); 2–6 – (по: [Пшеничнюк, 2012, рис. 80, 88, 140, 106, 129])

Fig. 5. Tent-shaped structures of the Filippovka 1 burial ground over burials in burial pits:

1 – kurgan 1; 2 – kurgan 6; 3 – kurgan 7; 4 – kurgan 23; 5 – kurgan 10; 6 – kurgan 17.

1 – (after: [Yablonsky et al., 2023, fig. 27]); 2–6 – (after: [Pshenichnyuk, 2012, fig. 80, 88, 140, 106, 129])

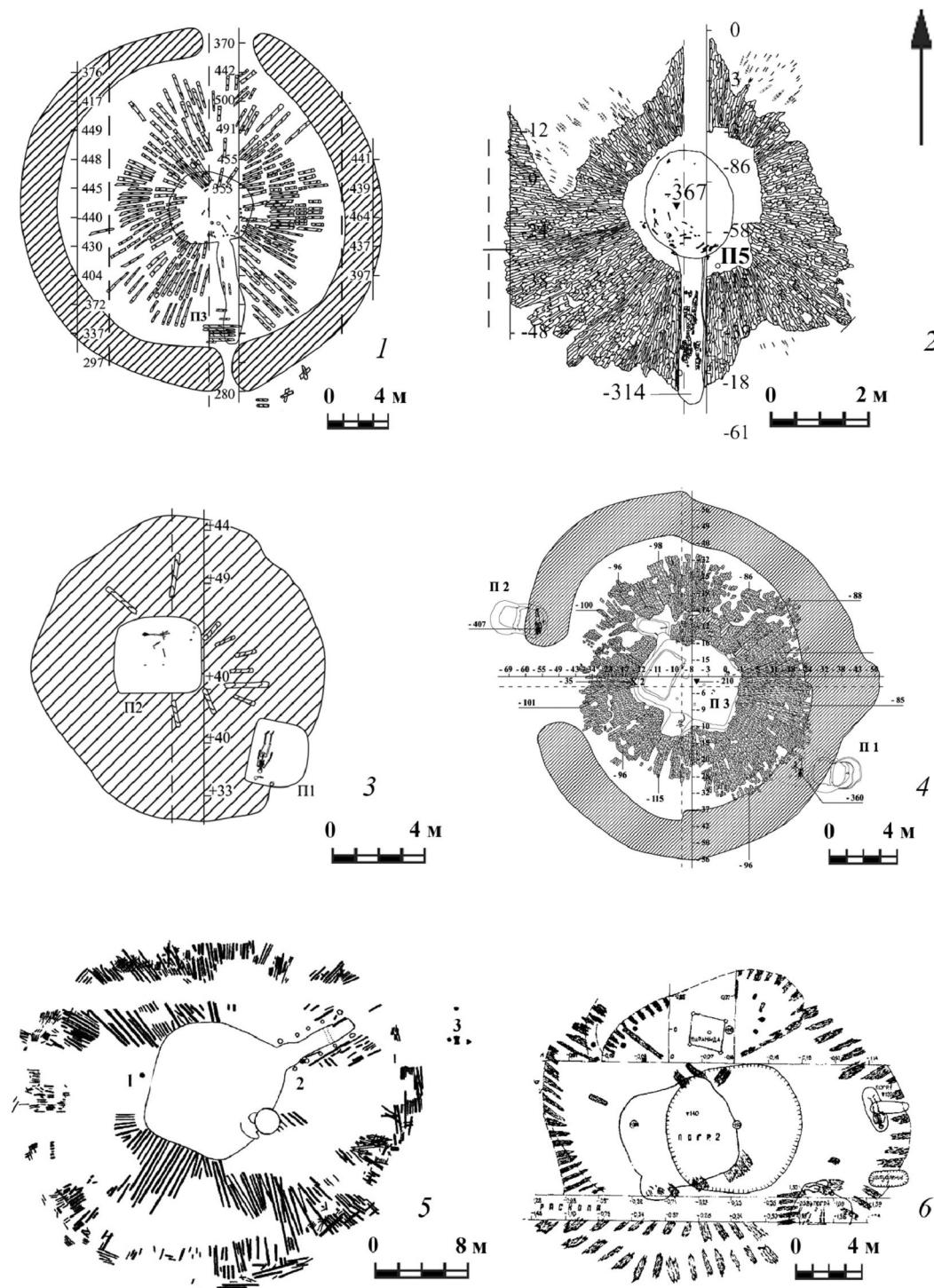

Рис. 6. Шатровые конструкции над погребениями в могильных ямах из южноуральских некрополей:

1 – Переволочан 1, кург. 10; 2 – Переволочан 1, кург. 12; 3 – Переволочан 1, кург. 5;

4 – Авласовские курганы, кург. 3; 5 – Большой Климовский курган; 6 – Новый Кумак, кург. 26.

1, 3 – (по: [Пшеничнюк, 1995, рис. 10, I, 3, I]); 2 – (по: [Сиротин, 2020, рис. 2, 2]); 4 – (по: [Сиротин, 2013, рис. 1, 2]);

5 – (по: [Тайров, 2000, рис. 42, I]); 6 – (по: [Смирнов, 1977, рис. 15])

Fig. 6. Tent-shaped structures over burials in burial pits from the South Ural necropolises:

1 – Perevolochan 1, kurgan 10; 2 – Perevolochan 1, kurgan 12; 3 – Perevolochan 1, kurgan 5; 4 – Avlasov kurgans, kurgan 3;
5 – Bolshoy Klimovsky kurgan; 6 – Novy Kumak, kurgan 26.

1, 3 – (after: [Pshenichnyuk, 1995, fig. 10, I, 3, I]); 2 – (after: [Sirotin, 2020, fig. 2, 2]); 4 – (after: [Sirotin, 2013, fig. 1, 2]);

5 – (after: [Tairov, 2000, fig. 42, I]); 6 – (after: [Smirnov, 1977, fig. 15])

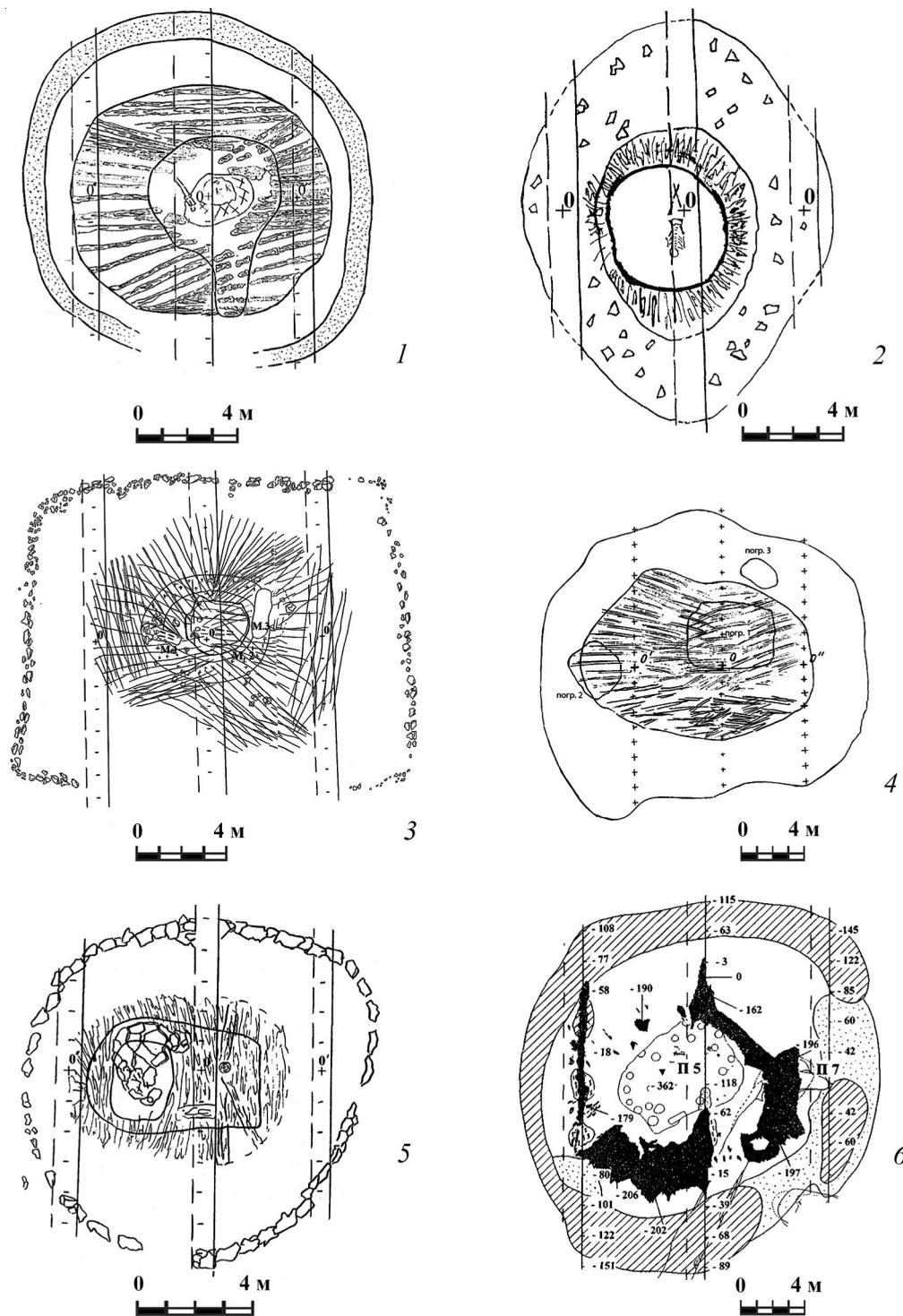

Рис. 7. Шатровые конструкции над погребениями в могильных ямах из южноуральских некрополей:

1 – Уркач I, кург. 3; 2 – Уркач I, кург. 18; 3 – Уркач I, кург. 15; 4 – Булдурта I, кург. 2;

5 – Уркач I, кург. 22; 6 – Переволочан 1, кург. 11.

1–3, 5 – (по: [Мамедов и др., 2022, рис. 4, 1, 12, 1, 8, 1, 13, 1]); 4 – (по: [Бисембаев, Мамедов, 2018, рис. 2]);

6 – (по: [Сиротин, 2010а, рис. 2, 1–3])

Fig. 7. Tent-shaped structures over burials in burial pits from the South Ural necropolises:

1 – Urkach I, kurgan 3; 2 – Urkach I, kurgan 18; 3 – Urkach I, kurgan 15; 4 – Buldurta I, kurgan 2;

5 – Urkach I, kurgan 22; 6 – Perevolochan 1, kurgan 11.

1–3, 5 – (after: [Mamedov et al., 2022, fig. 4, 1, 12, 1, 8, 1, 13, 1]); 4 – (after: [Bisembayev, Mamedov, 2018, fig. 2]);

6 – (after: [Sirotin, 2010a, fig. 2, 1–3])

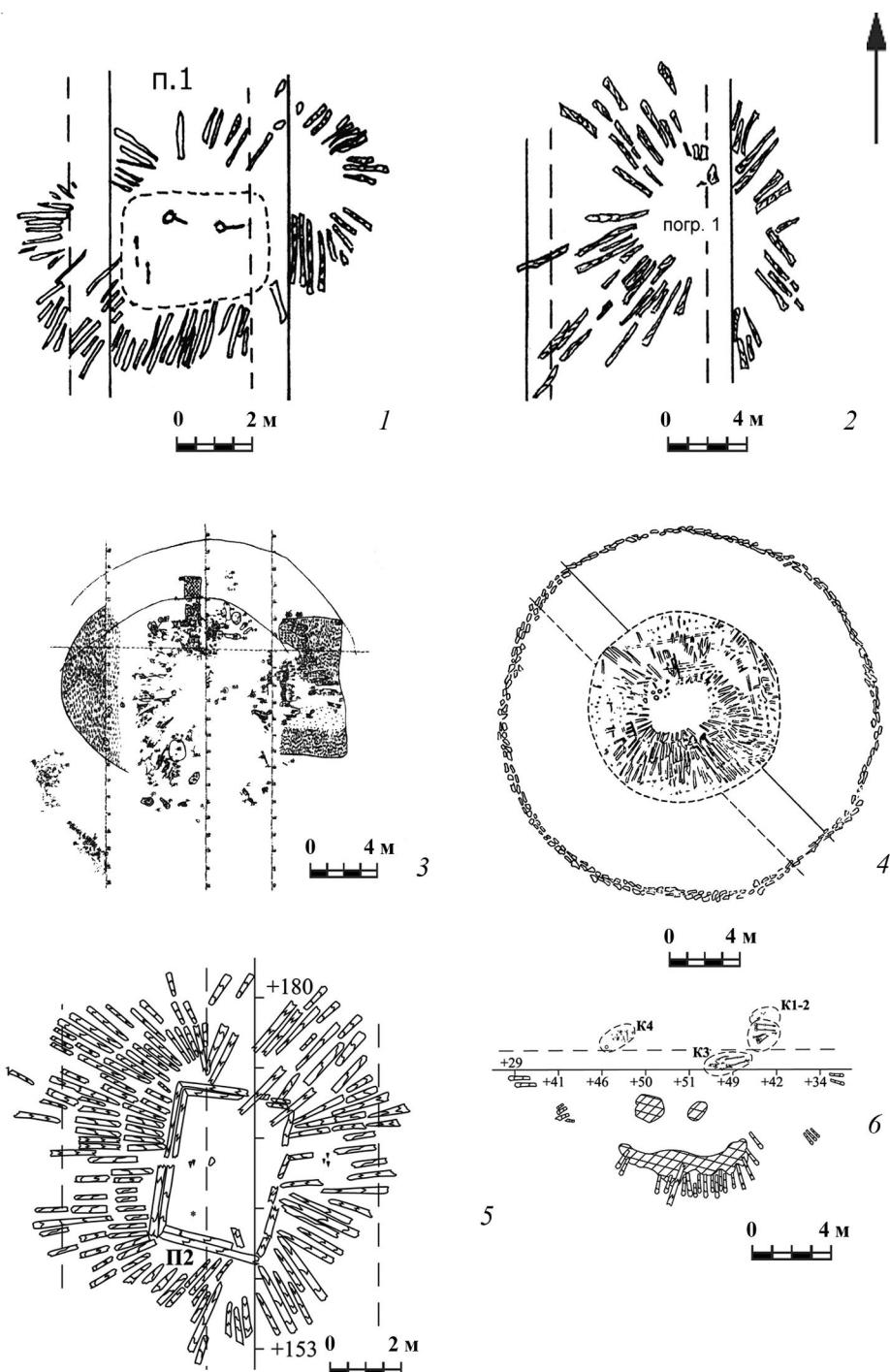

Рис. 8. Шатровые конструкции над захоронениями на уровне дневной поверхности из южноуральских некрополей:

1 – Филипповка 1, кург. 9; 2 – Филипповка 1, кург. 24; 3 – Покровка 2, кург. 1;
4 – Альмухаметово, кург. 8; 5 – Переволочан 1, кург. 6; 6 – Переволочан 1, кург. 7.
1, 2 – (по: [Пшеничнюк, 2012, рис. 101, 147]); 3 – (по: [Веддер и др., 1993, рис. 20]);
4 – (по: [Пшеничнюк, 1983, рис. 12]); 5, 6 – (по: [Пшеничнюк, 1995, рис. 4, 1, 6, 7])

Fig. 8. Tent-shaped structures over burials on the ground surface from the South Ural necropolises:

1 – Filippovka 1, kurgan 9; 2 – Filippovka 1, kurgan 24; 3 – Pokrovka 2, kurgan 1;
4 – Almukhametovo, kurgan 8; 5 – Perevolochan 1, kurgan 6; 6 – Perevolochan 1, kurgan 7.
1, 2 – (after: [Pshenichnyuk, 2012, fig. 101, 147]); 3 – (after: [Vedder et al., 1993, fig. 20]);
4 – (after: [Pshenichnyuk, 1983, fig. 12]); 5, 6 – (after: [Pshenichnyuk, 1995, fig. 4, 1, 6, 7])

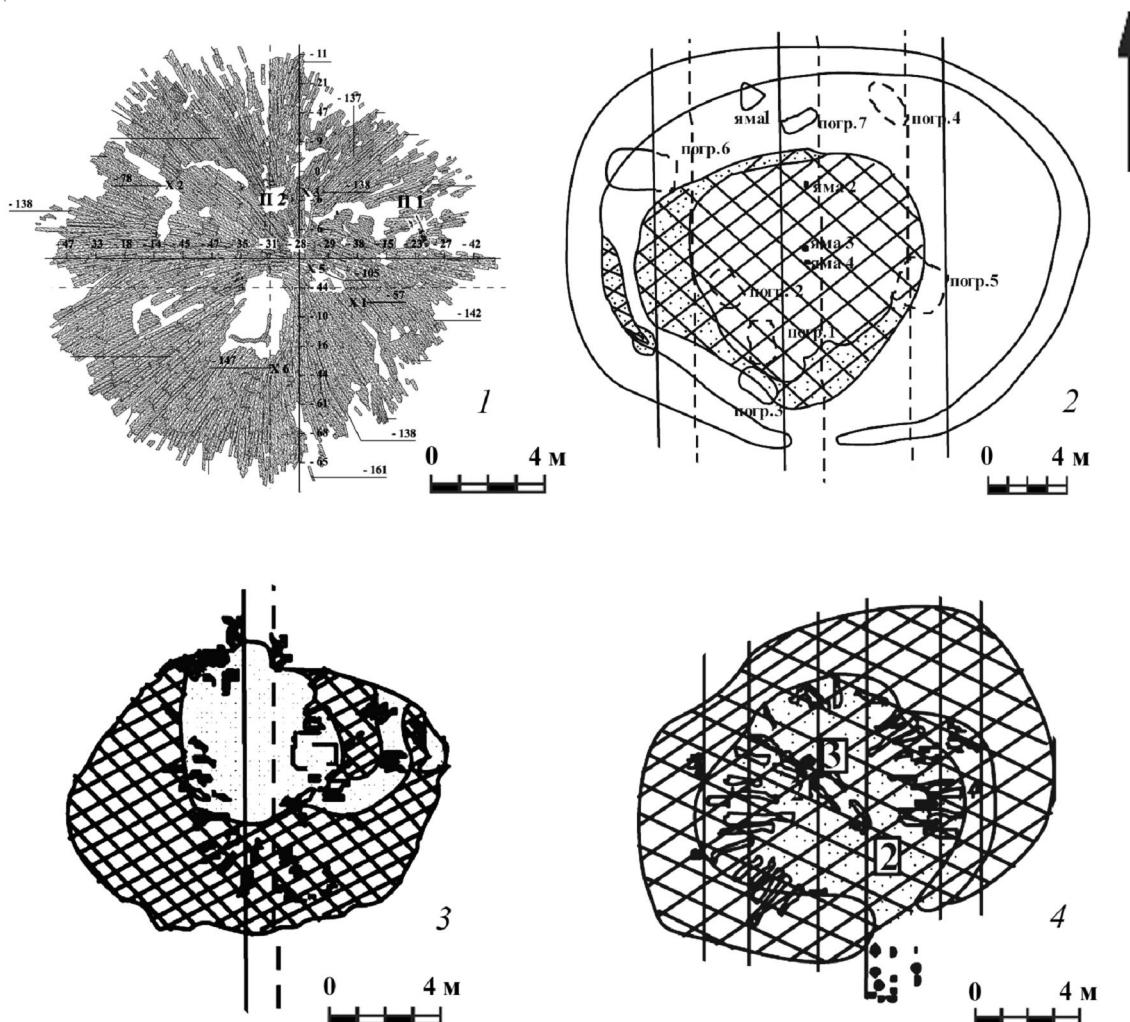

Рис. 9. Шатровые конструкции над захоронениями на уровне дневной поверхности из южноуральских некрополей:

1 – Переволочан 2, кург. 4; 2 – Биш-Уба I, кург. 1; 3 – Биш-Уба 1, кург. 2; 4 – Биш-Уба 1, кург. 3.
1 – (по: [Сиротин, 2010б, рис. 30, 72]); 2–4 – (по: [Агеев и др., 1998, рис. 3, 12, I, 13, I])

Fig. 9. Tent-shaped structures over burials on the ground surface from the South Ural necropolises:

1 – Perevolochan 2, kurgan 4; 2 – Bish-Uba I, kurgan 1; 3 – Bish-Uba 1, kurgan 2; 4 – Bish-Uba 1, kurgan 3.
1 – (after: [Sirotin, 2010б, fig. 30, 72]); 2–4 – (after: [Ageev et al., 1998, fig. 3, 12, I, 13, I])

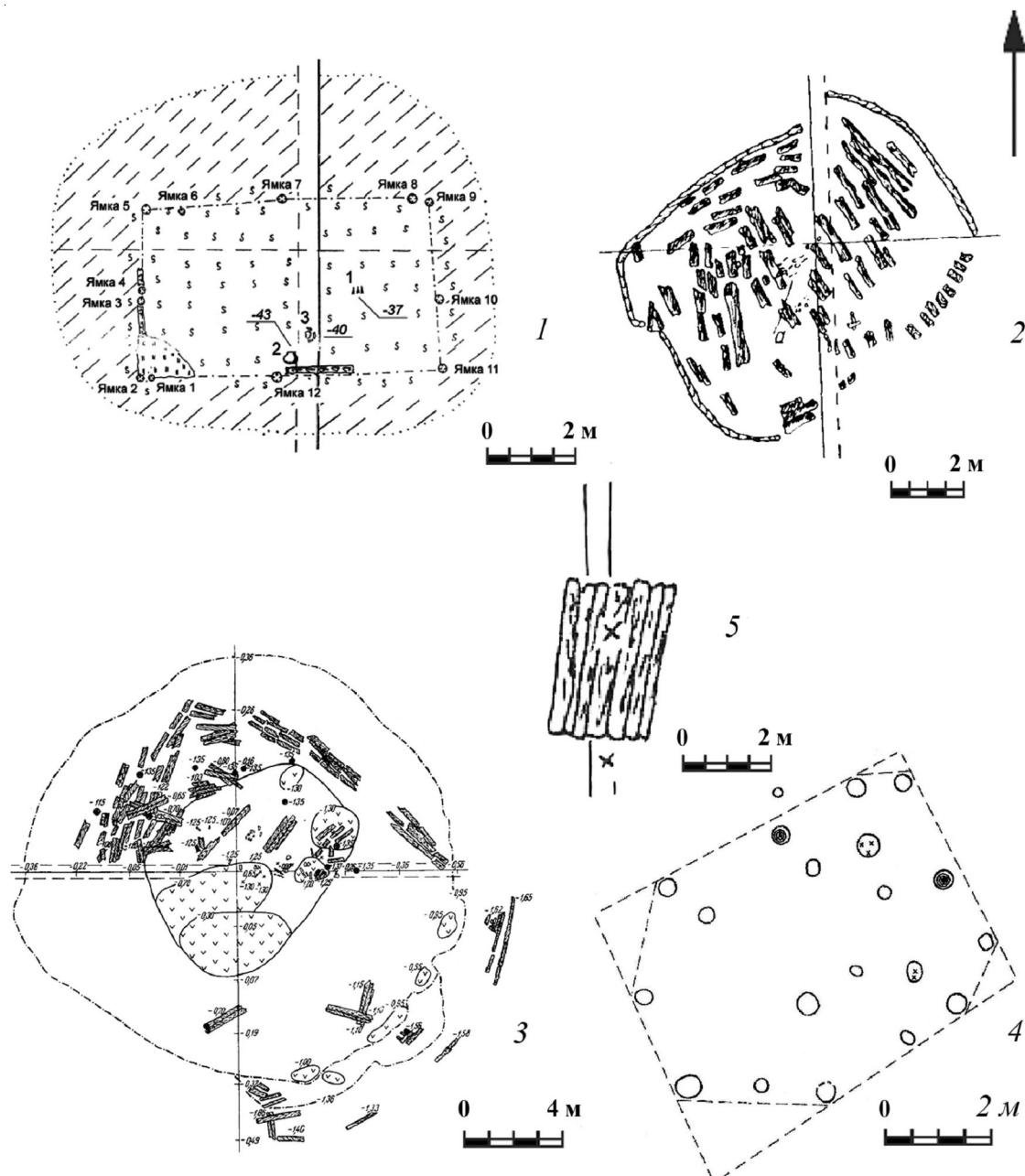

Рис. 10. Прямоугольные каркасно-столбовые конструкции и настилы:

1 – Сибай I, кург. 2; 2 – Тара-Бутак, кург. 3; 3 – Аланский III, кург. 6;

4 – Маровый шлях, кург. 3; 5 – Лебедевка VI, кург. 26.

1 – (по: [Васильев, Федоров, 2021, рис. 12]); 2 – (по: [Смирнов, 1964, рис. 17, 1]);

3 – (по: [Мошкова, 1972, рис. 6, 1]); 4 – (по: [Таиров, 2006, рис. 5, 1]); 5 – (по: [Железчиков и др., 2006, рис. 56, 2])

Fig. 10. Rectangular frame-post structures and flooring:

1 – Sibay I, kurgan 2; 2 – Tara-Butak, kurgan 3; 3 – Alandsky III, kurgan 6;

4 – Marovy Shlyakh, kurgan 3; 5 – Lebedevka VI, kurgan 26.

1 – (after: [Vasiliev, Fedorov, 2021, fig. 12]); 2 – (after: [Smirnov, 1964, fig. 17, 1]); 3 – (after: [Moshkova, 1972, fig. 6, 1]);

4 – (after: [Tairov, 2006, fig. 5, 1]); 5 – (after: [Zhelezchikov et al., 2006, fig. 56, 2])

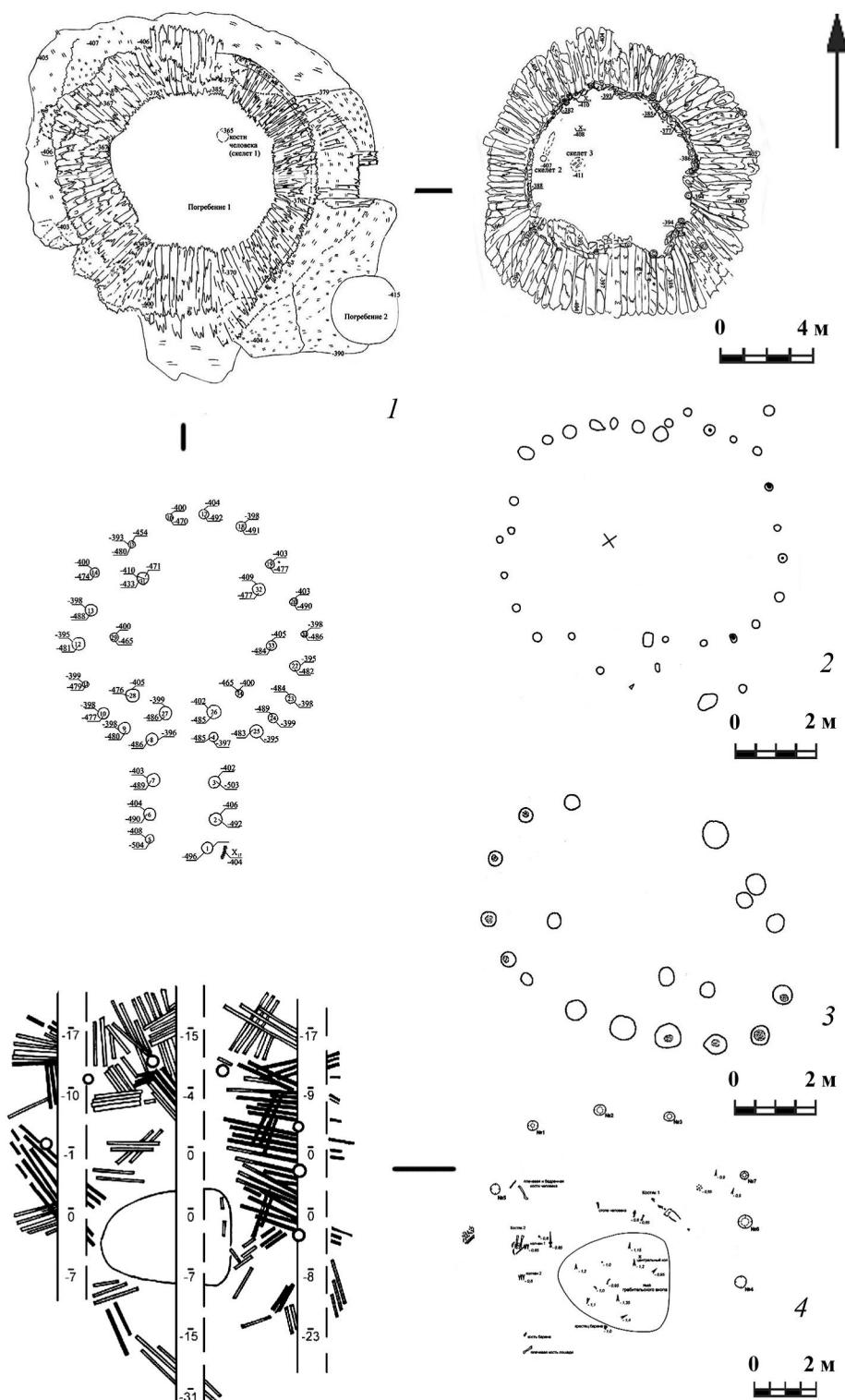

Рис. 11. Круглые каркасно-столбовые конструкции:

1 – Акоба II, кург. 1; 2 – Маровый шлях, кург. 2; 3 – Солончанка II; 4 – Сосновка, кург. 4.

1 – (по: [Моргунова, Краева, 2012, рис. 6, 7, 1, 2]); 2 – (по: [Тайров, 2006, рис. 3, 1]);

3 – (по: [Тайров, 2006, рис. 8, 1]); 4 – (по: [Васильев, Федоров, 2021, рис. 61, 62])

Fig. 11. Round frame-post structures:

1 – Akoba II, kurgan 1; 2 – Marovy Shlyakh, kurgan 2; 3 – Solonchanka II; 4 – Sosnovka, kurgan 4.

1 – (after: [Morgunova, Kraeva, 2012, fig. 6, 7, 1, 2]); 2 – (after: [Tairov, 2006, fig. 3, 1]);

3 – (after: [Tairov, 2006, fig. 8, 1]); 4 – (after: [Vasiliyev, Fedorov, 2021, fig. 61, 62])

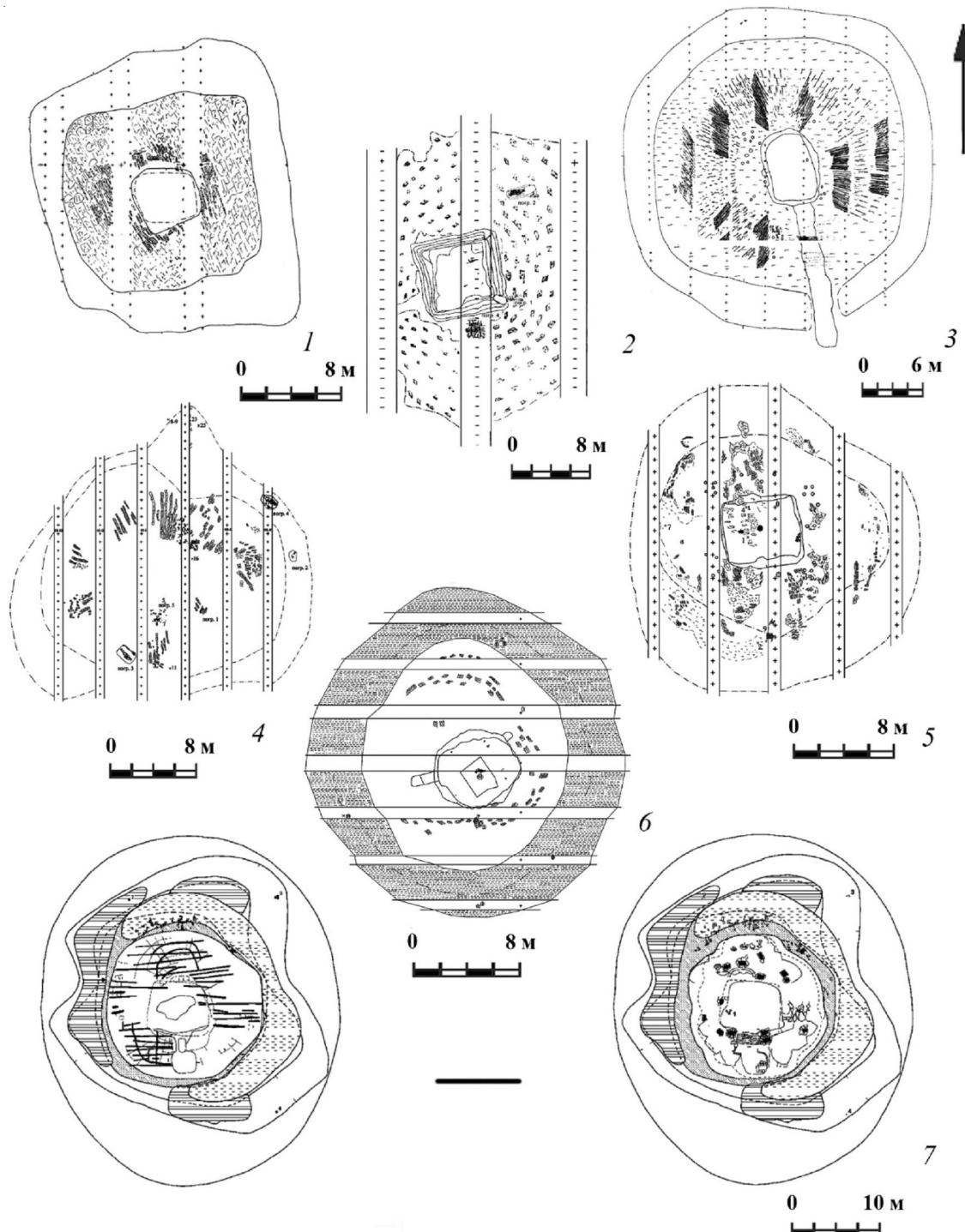

Рис. 12. Деревянные перекрытия в глиняных мавзолеях:

1 – Лебедевка II, кург. 6; 2 – Илекшар I, кург. 1; 3 – Кырык-Оба II, кург. 16; 4 – Кырык-Оба II, кург. 18;
5 – Кырык-Оба II, кург. 19; 6 – Кырык-Оба II, кург. 12; 7 – Березки I, кург. 5.
1, 3 – (по: [Гуталов, 2007, рис. 6, 10]); 2 – (по: [Гуталов, 2009а, рис. 2]); 4, 5 – (по: [Гуталов, 2010, рис. 5, 1, 8]);
6 – (по: [Гуталов, 2011б, рис. 2, 1]); 7 – (по: [Скарбовенко, 2005, рис. 2, 3])

Fig. 12. Wooden structures in clay mausoleums:

1 – Lebedevka II, kurgan 6; 2 – Illekshar I, kurgan 1; 3 – Kyryk-Oba II, kurgan 16; 4 – Kyryk-Oba II, kurgan 18;
5 – Kyryk-Oba II, kurgan 19; 6 – Kyryk-Oba II, kurgan 12; 7 – Berezki I, kurgan 5.
1, 3 – (after: [Gutsalov, 2007, fig. 6, 10]); 2 – (after: [Gutsalov, 2009a, fig. 2]); 4, 5 – (after: [Gutsalov, 2010, fig. 5, 1, 8]);
6 – (after: [Gutsalov, 2011b, fig. 2, 1]); 7 – (after: [Skarbovenco, 2005, fig. 2, 3])

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Агеев Б. Б., Сунгатов Ф. А., Вильданов А. А., 1998. Могильник Биш-Уба I // Уфимский археологический вестник. Вып. 1. С. 97–115.
- Березуцкий В. Д., 2011. Шатровые сооружения в курганах скифского времени Среднего Дона: возможности семиотического подхода // Восточноевропейские древности скифской эпохи. Воронеж : Науч. кн. С. 147–155.
- Биссембаев А. А., Мамедов А. М., 2018. Погребальные комплексы ранних кочевников могильника Булдурта I // Археология ранних кочевников Евразии. Самара : Кн. изд-во. С. 69–84.
- Васильев В. Н., Федоров В. К., 1994. Раскопки курганов у пос. Сара // Археологические открытия 1993. М. : Наука. С. 125–127.
- Васильев В. Н., Федоров В. К., 2021. Курганы Южного Зауралья. Книга II. Уфа : Диалог. 132 с.
- Веддер Дж., Егоров В., Девис-Кимболл Дж., Моргунова Л., Трунаева Т., Яблонский Л., 1993. Раскопки могильников Покровка 2 и Покровка 8 в 1992 году // Курганы левобережного Илека. Вып. 1. М. : ИА РАН. С. 18–54.
- Гуцалов С. Ю., 2004. Древние кочевники Южного Приуралья VII–I вв. до н.э. Уральск : Восточно-Казахстанский центр истории и археологии. 136 с.
- Гуцалов С. Ю., 2007. Погребальные памятники кочевой элиты Южного Приуралья середины I тыс. до н.э. // Археология, этнография и антропология Евразии. № 2 (30). С. 75–92.
- Гуцалов С. Ю., 2009а. Погребения скифской эпохи могильников Лебедевка II–III // Нижневолжский археологический вестник. № 10. С. 306–324.
- Гуцалов С. Ю., 2009б. Погребение знатного кочевника скифского времени в урочище Илекшар // Российская археология. № 3. С. 72–78.
- Гуцалов С. Ю., 2010. Погребальные сооружения могильника Кырык-Оба II в Западном Казахстане // Российская археология. № 2. С. 51–66.
- Гуцалов С. Ю., 2011а. Погребальный обряд кочевников Южного Приуралья в конце VI – V вв. до н.э. // Погребальный обряд ранних кочевников Евразии : материалы VII Междунар. науч. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории» (11–15 мая 2011 г., г. Ростов-на-Дону, Кагальник). Ростов н/Д : Изд-во ЮНЦ РАН. С. 49–56.
- Гуцалов С. Ю., 2011б. Этнокультурная специфика могильника Кырык-Оба II // Российская археология. № 1. С. 81–96.
- Железчиков Б. Ф., Клепиков В. М., Сергацков И. В., 2006. Древности Лебедевки (VI–II вв. до н.э.). М. : Вост. лит. 159 с.
- Зданович Г. Б., Хабдулина М. К., 1987. Курган Темир // Ранний железный век и средневековые Урало-Иртышского междуречья. Челябинск : ЧелГУ. С. 45–65.
- Исмагил Р., Сунгатов Ф. А., 2013. Памятники яицкой культуры последней четверти V – IV вв. до н.э. на Южном Урале. Уфа : Белая река. 223 с.
- Кадырбаев М. К., 1984. Курганные некрополи верховьев р. Илек // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М. : Наука. С. 84–93.
- Кадырбаев М. К., Курманкулов Ж. К., 1976. Захоронение воинов сарматского времени на левобережье р. Илек // Прошлое Казахстана по археологическим источникам. Алма-Ата : Наука КазССР. С. 137–156.
- Кадырбаев М. К., Курманкулов Ж. К., 1978. Погребение жрицы, обнаруженное в Актюбинской области // Краткие сообщения Института археологии. № 154. С. 65–70.
- Ковпаненко Г. Т., Бессонова С. С., Скорый С. А., 1989. Памятники скифской эпохи Днепровского Лесостепного Правобережья (Киево-Черкасский регион). Киев : Наукова думка. 336 с.
- Купцова Л. В., Клещенко Е. А., Купцов Е. А., Свирикина Н. Г., Добровольская М. В., Крюкова Е. А., Куприянов Д. А., 2023. Коллективное захоронение ранних кочевников Южного Урала со следами сожжения : культурно-хронологическая интерпретация и новые подходы к изучению погребального обряда // Краткие сообщения Института археологии. № 272. С. 208–236.
- Кушаев Г. А., 1993. Этюды древней истории Южного Приуралья. Уральск : Диалог. 170 с.

- Лукпанова Я. А., 2022. Исследования курганных комплексов Урысай-2 // Археология Казахстана. № 2 (16). С. 74–93.
- Мамедов А. М. Тажибаева С. М., 2013. Погребения со «столами-ложами» ранних кочевников Южного Приуралья // Труды филиала Института археологии им. А.Х. Маргулана в г. Астана. Т. II. Астана : Изд. группа филиала Ин-та археологии им. А.Х. Маргулана в г. Астана. С. 43–54.
- Мамедов А. М., Гуцалов С. Ю., Бисембаев А. А., 2022. Погребальные комплексы древних и средневековых кочевников бассейна реки Жем (по материалам могильников Уркач-I, Жагабулак I, II). Алматы : Ин-т археологии им. А.Х. Маргулана. 192 с.
- Маслов В. Е., 2024. К вопросу о происхождении раннескифских шатровых погребальных конструкций на Северном Кавказе // Краткие сообщения Института археологии. № 275. С. 222–241.
- Моргунова Н. Л., Краева Л. А., 2012. Курганская группа Акоба II // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 10. С. 156–199.
- Мошкова М. Г., 1972. Сарматские погребения Ново-Кумакского могильника близ г. Орска // Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени. МИА. № 153. М. : Наука. С. 49–78.
- Мышкин В. Н., 2011. Погребальная обрядность социальной элиты кочевников Самаро-Уральского региона в VI–V вв. до н.э. (к проблеме формирования прохоровской культуры) // Погребальный обряд ранних кочевников Евразии : материалы VII Междунар. науч. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории» (11–15 мая 2011 г., г. Ростов-на-Дону, Кагальник). Ростов н/Д : Изд-во ЮНЦ РАН. С. 168–178.
- Мышкин В. Н., 2013. Типы погребального обряда социальной элиты кочевников Самаро-Уральского региона в VI–V вв. до н.э. // Известия Самарского научного центра РАН. Т. 15, № 1. С. 219–225.
- Мышкин В. Н., 2014. Восточное Приаралье и Самаро-Уральский регион: к проблеме происхождения традиций захоронения на дневной поверхности и в глиняных мавзолеях у южноуральских кочевых племен скифского времени // Уфимский археологический вестник. Вып. 14. С. 146–156.
- Мышкин В. Н., 2017. Курганы скифского времени с погребениями на древней поверхности в степях Южного Урала : обрядовые характеристики // Археология, этнография и антропология Евразии. Т. 45, № 3. С. 96–105.
- Ольховский В. С., 1989. Раннескифские погребальные сооружения по Геродоту и археологическим данным // Советская археология. № 4. С. 83–97.
- Ольховский В. С., 1991. Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII–III вв. до н.э.). М. : Наука. 256 с.
- Очир-Горяева М. А., 2011. О планиграфии курганов Южного Приуралья позднескифской эпохи // Погребальный обряд ранних кочевников Евразии : материалы VII Междунар. науч. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории» (11–15 мая 2011 г., г. Ростов-на-Дону, Кагальник). Ростов н/Д : Изд-во ЮНЦ РАН. С. 179–192.
- Половников Л. В., 2021. Критерии выделения жилищ каркасно-столбового типа в отечественной археологии // Самарский научный вестник. Т. 10, № 1. С. 226–229.
- Пшеничнюк А. Х., 1983. Культура ранних кочевников Южного Урала. М. : Наука. 199 с.
- Пшеничнюк А. Х., 1995. Переволочанский могильник // Курганы кочевников Южного Урала. Уфа : Гилем. С. 62–96.
- Пшеничнюк А. Х., 2012. Филипповка. Некрополь кочевой знати IV века до н.э. на Южном Урале. Уфа : ИИЯЛ УНЦ РАН. 280 с.
- Сдыков М. Н., Лукпанова Я. А., 2013. Ранние кочевники Западного Казахстана. Уральск : Полиграфсервис. 292 с.
- Скарбовенко В. А., 2005. Погребальный комплекс эпохи раннего железа в кургане 5 могильника Березки I // Древности Евразии от ранней бронзы до раннего средневековья. Памяти Валерия Сергеевича Ольховского. М. : ИА РАН. С. 382–393.
- Скифы Западного Казахстана. 2007. Алматы : Исламнур. 208 с.
- Сиротин С. В., 2009. Отчет об археологических исследованиях в Хайбуллинском районе Республики Башкортостан в 2009 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 38018-38019. 341 с.

- Сиротин С. В., 2010а. Курган № 11 курганных могильника Переволочан в Зауральской Башкирии // Археология и палеоантропология евразийских степей и сопредельных территорий. М. : Тайс. С. 323–338.
- Сиротин С. В., 2010б. Отчет об археологических исследованиях в Хайбулинском районе Республики Башкортостан в 2010 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 39145. 151 с.
- Сиротин С. В., 2011. Исследования на курганных могильниках Переволочан II в юго-восточной Башкирии // Археологические открытия 2008 года. М.: ИА РАН. С. 383–384.
- Сиротин С. В., 2013. Катаюмбные погребальные комплексы IV в. до н.э. могильника «Авласовские курганы» из Южного Зауралья // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. № 11. С. 163–169.
- Сиротин С. В., 2020. Дромосное погребение IV в. до н.э. из кургана 12 некрополя Переволочан I на Южном Урале // Краткие сообщения Института археологии. № 258. С. 181–200.
- Сиротин С. В., 2021. Дромосные погребения ранних кочевников Южного Урала // Уфимский археологический вестник. Т. 21, № 1. С. 160–168.
- Сиротин С. В., 2022. Курган 5 некрополя «Ивановские I курганы» на Южном Урале: хронология комплексов // Нижневолжский археологический вестник. Т. 21, № 1. С. 21–51. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2022.1.2>
- Сиротин С. В., Богачук Д. С., Окороков К. С., 2018. Курганская группа «Богатырские могилки» № 4 (Оренбургская область, Оренбургский район) // Города, селища, могильники. Раскопки 2017. Материалы спасательных археологических исследований. М. : ИА РАН. Т. 25. С. 334–339.
- Сиротин С. В., Богачук Д. С., Гильмитдинова А. Х., Окороков К. С., 2019. Особенности погребальных конструкций и планиграфическая организация некрополя Филипповка 1 // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – V в. н.э.). V : материалы X Междунар. науч. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Симферополь : Салта ЛТД. С. 234–243.
- Сиротин С. В., Богачук Д. С., Окороков К. С., 2020. Филипповские параллели в погребальном обряде больших курганов некрополя «Высокая Могила – Студеникин Мар» // Ранние кочевники Южного Урала и Нижнего Поволжья : материалы Круглого стола «Археология ранних кочевников евразийской степи: актуальные проблемы и перспективы их решения». М. : МАКС Пресс. С. 203–217.
- Сиротин С. В., Окороков К. С., Богачук Д. С., 2024. Воинский комплекс из некрополя «Высокая Могила – Студеникин Мар» : новые находки защитного вооружения ранних кочевников на Южном Урале // Нижневолжский археологический вестник. Т. 23, № 4. С. 156–188. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2024.4.7>
- Смирнов К. Ф., 1964. Савроматы (ранняя история и культура сарматов). М. : Наука. 376 с.
- Смирнов К. Ф., 1975. Сарматы на Илеке. М. : Наука. 175 с.
- Смирнов К. Ф., 1977. Орские курганы ранних кочевников // Исследования по археологии Южного Урала. Уфа : БФАН СССР. С. 3–51.
- Тайров А. Д., 2000. Ранний железный век // Древняя история Южного Зауралья. Челябинск : Изд-во ЮУрГУ. Т. 2. С. 3–305.
- Тайров А. Д., 2004. Периодизация памятников ранних кочевников Южного Зауралья 7–2 вв. до н.э. // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии : доклады к 5-й Междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Краснодар : Раев и К. С. 3–21.
- Тайров А. Д., 2006. Саки Приаралья в степях Южного Зауралья (по материалам могильника Маровый Шлях) // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время. Уфа : Гилем. С. 76–91.
- Тайров А. Д., Боталов А. Г., 1988. Курган у с. Варна // Проблемы археологии Урало-Казахстанских степей. Челябинск : Изд. Башкир. ун-та. С. 100–125.
- Федоров В. К., Васильев В. Н., 1998. Яковлевские курганы раннего железного века в Башкирском Зауралье // Уфимский археологический вестник. Вып. 1. С. 62–96.
- Яблонский Л. Т., 2013. Золото сарматских вождей. Элитный некрополь Филипповка 1 (по материалам раскопок 2004–2009 гг.) : кат. колл. Кн. 1. М. : ИА РАН. 232 с.
- Яблонский Л. Т., Богачук Д. С., Володин С. А., Маслов В. Е., Сиротин С. В., 2023. Золото сарматских вождей. Некрополи Филипповка 1 и Филипповка 2. По материалам раскопок Приуральской археологической экспедиции ИА РАН под руководством Л. Т. Яблонского 2009–2014 гг. : кат. колл. Кн. II. М. : ИА РАН. 356 с.

REFERENCES

- Ageev B.B., Sungatov F.A., Vil'danov A.A., 1998. Mogil'nik Bish-Uba I [Bish-Uba I Burial Ground]. *Ufimskiy arkheologicheskiy vestnik* [Ufa Archaeological Herald], iss. 1, pp. 97-115.
- Berezutskiy V.D., 2011. Shatroye sooruzheniya v kurganah skifskogo vremeni Srednego Dona: vozmozhnosti semioticheskogo podkhoda [Tent-Roofed Structures in the Burial Mounds of the Scythian Period of the Middle Don: Possibilities of the Semiotic Approach]. *Vostochnoevropeyskie drevnosti skifskoy epohi* [East European Antiquities of the Scythian Era]. Voronezh, Nauch. kn. Publ., pp. 147-155.
- Bisembayev A.A., Mamedov A.M., 2018. Pogrebal'nye kompleksy rannih kochevnikov mogil'nika Buldurta I [Burial Complexes of Early Nomads of the Burial Mound Buldurta I]. *Arheologiya rannih kochevnikov Evrazii* [Archaeology of Early Nomads of Eurasia]. Samara, Kn. izd-vo, pp. 69-84.
- Vasil'ev V.N., Fedorov V.K., 1994. Raskopki kurganov u pos. Sara [Excavation of Mounds near the Village Sarah]. *Arheologicheskie otkrytiya 1993* [Archaeological Discoveries 1993]. Moscow, Nauka Publ., pp. 125-127.
- Vasilyev V.N., Fedorov V.K., 2021. *Kurgany Yuzhnogo Zaural'ya* [Kurgans of the Southern Trans-Urals]. Book II. Ufa, Dialog Publ. 132 p.
- Vedder J., Egorov V., Davis-Kimball J., Mogrunova L., Trunaeva T., Yablonsky L., 1993. Raskopki mogil'nikov Pokrovka 2 i Pokrovka 8 v 1992 godu [Excavations of the Pokrovka 2 and Pokrovka 8 Burial Grounds in 1992]. *Kurgany levoberezhnogo Ileka* [Kurgans of the Left Bank Ilek], iss. 1. Moscow, IA RAS, pp. 18-54.
- Gutsalov S.Yu., 2004. *Drevnie kochevniyi Yuzhnogo Priuralya VII–I vv. do n.e.* [Ancient Nomads of the Southern Urals from 7th – 1st Centuries BC]. Uralsk, West-Kazakhstan Center of History and Archaeology. 136 p.
- Gutsalov S.Yu., 2007. Pogrebal'nye pamiatniki kochevoy elity Yuzhnogo Priural'ya serediny I tys. do n.e. [Funeral Monuments of the Nomadic Elite of the Southern Urals in the Middle of the 1st Millennium BC]. *Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archeology, Ethnography & Anthropology of Eurasia], no. 2 (30), pp. 75-92.
- Gutsalov S.Yu., 2009a. Pogrebeniya skifskoy epohi mogil'nikov Lebedevka II–III [Tombs of Scythian Period of Burial Ground Lebedevka II]. *Nizhnevolzhskiy Arheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], no. 10, pp. 306-324.
- Gutsalov S.Yu., 2009b. Pogrebenie znatnogo kochevnika skifskogo vremeni v urochishche Ilekshar [Burial of a noble nomad at Ileshkar (South Urals), Scythian Time]. *Rossiyskaya arheologiya* [Russian Archeology], no. 3, pp. 72-78.
- Gutsalov S.Yu., 2010. Pogrebal'nyye sooruzheniya mogil'nika Kyryk-Oba II v Zapadnom Kazakhstane [Burial structures of Kyryk-Oba II cemetery in Western Kazakhstan]. *Rossiyskaya arheologiya* [Russian Archeology], no. 2, pp. 51-66.
- Gutsalov S.Yu., 2011a. Pogrebal'nyy obryad kochevnikov Yuzhnogo Priural'ya v kontse VI – V vv. do n.e. [Funeral Rite of the Nomads of the Southern Urals at the End of the 6th – 5th Centuries BC]. *Pogrebal'nyy obryad rannih kochevnikov Evrazii: materialy VII Mezhdunar. nauch. konf. «Problemy sarmatskoy arheologii i istorii» (11–15 maya 2011 g., g. Rostov-na-Donu, Kagal'nik)* [Funeral Ceremonies of the First Eurasian Nomads. Materials of the 7th International Scientific Conference “Problems of Sarmatian Archaeology and History” (11–15 May 2011, Rostov-on-Don, Kagalnik)]. Rostov on Don, SSC RAS, pp. 49-56.
- Gutsalov S.Yu., 2011b. Etnokul'turnaya spetsifika mogil'nika Kyryk-Oba II [The Ethnic and Cultural Specifics of Kyryk-Oba II Cemetery]. *Rossiyskaya arheologiya* [Russian Archeology], no. 1, pp. 81-96.
- Zhelezchikov B.F., Klepykov V.M., Sergatskov I.V., 2006. *Drevnosti Lebedevki (VI–II vv. do n.e.)* [Antiquities of Lebedevka (6th – 2nd Centuries BC)]. Moscow, Vost. lit. Publ. 159 p.
- Zdanovich G.B., Khabdulina M.K., 1987. Kurgan Temir [Kurgan Temir]. *Ranniy zheleznyy vek i srednevekov'e Uralo-Irtyshskogo mezdurech'ya* [Early Iron Age and Middle Ages of the Ural-Irtysh Interfluve]. Chelyabinsk, ChelSU, pp. 45-65.
- Ismagil R., Sungatov F.A., 2013. *Pamyatniki yaitskoy kul'tury posledney chetverti V–IV vv. do n.e. na Yuzhnom Urale* [Monuments of the Yaik Culture of the Last Quarter of the 5th – 4th Centuries BC in the Southern Urals]. Ufa, Belya Reka Publ. 223 p.
- Kadyrbaev M. K., 1984. Kurgannyе nekropoli verhov'ev r. Ilek [Kurgan Necropolises of the Upper Reaches of the River Ilek]. *Drevnosti Evrazii v skifo-sarmatskoe vremya* [Antiquities of Eurasia in the Scythian-Sarmatian Time]. Moscow, Nauka Publ., pp. 84-93.

- Kadyrbaev M.K., Kurmankulov Zh.K., 1976. Zahoronenie voynov savromatskogo vremeni na levoberezh'e r. Ilek [Burial of Warriors of the Savromatian Period on the Left Bank of the Ilek River]. *Proshloe Kazahstana po arheologicheskim istochnikam* [The Past of Kazakhstan According to Archaeological Sources]. Alma-Ata, Nauka KazSSR, pp. 137-156.
- Kadyrbaev M.K., Kurmankulov Zh.K., 1978. Pogrebenie zhritsy, obnaruzhennoe v Aktyubinskoy oblasti [Burial of a Priestess Discovered in the Aktobe Region]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], no. 154, pp. 65-70.
- Kovpanenko G.T., Bessonova S.S., Skoryy S.A., 1989. *Pamyatniki skifskoy epohi Dnepranskogo Lesostepnogo Pravoberezh'ya (Kievo-Cherkasskiy region)* [Monuments of the Scythian Era of the Dnieper Forest-Steppe Right Bank (Kyiv-Cherkasy Region)]. Kyiv, Naukova dumka Publ. 336 p.
- Kuptsova L.V., Kleshchenko E.A., Kuptsov E.A., Svirkina N.G., Dobrovolskaya M.V., Kryukova E.A., Kupriyanov D.A., 2023. Kollektivnoe zahoronenie rannih kochevnikov Yuzhnogo Urala so sledami sozhhzeniya: kul'turno-hronologicheskaya interpretatsiya i novye podhody k izucheniyu pogrebal'nogo obryada [The Multiple Grave of the Early Nomads from the Southern Urals with Cremation Traces: Cultural and Chronological Interpretation and New Approaches to the Study of the Burial Rite]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], no. 272, pp. 208-236.
- Kushaev G.A., 1993. *Etyudy drevney istorii Yuzhnogo Priural'ya* [Essays in the Ancient History of the Southern Urals]. Uralsk, Dialog Publ. 170 p.
- Lukpanova Ya.A., 2022. Issledovaniya kurgannogo kompleksa Urysay-2 [Research of the Urysay-2 Burial Mound Complex]. *Arheologiya Kazahstana* [Archaeology of Kazakhstan], no. 2 (16), pp. 74-93.
- Mamedov A.M. Tazhibaeva S.M., 2013. Pogrebeniya so «stolami-lozhami» rannih kochevnikov Yuzhnogo Priural'ya [Burials with “Tables-Boxes” of the Early Nomads of the Southern Urals]. *Trudy filiala Instituta arheologii im. A.H. Margulana v g. Astana* [Proceedings of the Branch of the Institute of Archeology named A.Kh. Margulan in Astana], vol. II. Astana, Publishing Group of the Branch of the Institute of Archeology named A.Kh. Margulan in Astana, pp. 43-54.
- Mamedov A.M., Gutsalov S.Yu., Bisembayev A.A., 2022. *Pogrebal'nye kompleksy drevnih i srednevekovyyh kochevnikov bassejna reki Zhem (po materialam mogil'nikov Urkach-I, Zhagabulak I, II)* [Funeral Complexes of Ancient and Medieval Nomads of the Zhem River Basin (Based on the Materials of the Urkach-I, Zhagabulak I, II Burial Grounds)]. Almaty, A.Kh. Margulan Institute of Archeology. 192 p.
- Maslov V.E., 2024. K voprosu o proiskhozhdenii ranneskifskikh shatrovyyh pogrebal'nyh konstruktsiy na Severnom Kavkaze [Revisiting of the Origin of Early Scythian Tent-Roofed Funerary Constructions in the North Caucasus]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], no. 275, pp. 222-241.
- Morgunova N.L., Kraeva L.A., 2012. Kurgannaya gruppa Akoba II [The Akoba II Burial Mound Group]. *Arheologicheskie pamyatniki Orenburzh'ya* [Archaeological Monuments of the Orenburg Region], iss. 10, pp. 156-199.
- Moshkova M.G., 1972. Sarmatskie pogrebeniya Novo-Kumakskogo mogil'nika bliz g. Orska [Sarmatian Burials of the Novo-Kumak Burial Ground near the City of Orsk]. *Pamyatniki Yuzhnogo Priural'ya i Zapadnoy Sibiri sarmatskogo vremeni* [Monuments of the Southern Urals and Western Siberia of the Sarmatian Time]. Moscow, Nauka Publ., pp. 49-78.
- Myshkin V.N., 2011. Pogrebal'naya obryadnost' sotsial'noy elity kochevnikov Samaro-Ural'skogo regiona v VI–V vv. do n.e. (k probleme formirovaniya prohorovskoy kul'tury) [Funeral Rites of the Social Elite of Nomads of the Samara-Ural Region in the 6th – 5th Centuries BC (to the Problem of the Formation of the Prokhorov Culture)]. *Pogrebal'nyy obryad rannih kochevnikov Evrazii: materialy VII Mezhdunar. nauch. konf. «Problemy sarmatskoy arheologii i istorii» (11–15 maya 2011 g., g. Rostov-na-Donu, Kagal'nik)* [Funeral Ceremonies of the First Eurasian nomads. Materials of the 7th International Scientific Conference “Problems of Sarmatian Archaeology and History” (11–15 May 2011, Rostov-on-Don, Kagalnik)]. Rostov on Don, SSC RAS, pp. 168-178.
- Myshkin V.N., 2013. Tipy pogrebal'nogo obryada sotsial'noy elity kochevnikov Samaro-Ural'skogo regiona v VI–V vv. do n.e. [Types of Funeral Rites of the Social Elite of Nomads of the Samara-Ural Region in the 6th – 5th Centuries BC]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra RAN* [Bulletin of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], vol. 15, no. 1, pp. 219-225.

- Myshkin V.N., 2014. Vostochnoe Priaral'e i Samaro-Ural'skiy region: k probleme proiskhozhdeniya traditsiy zahoroniya na dnevnaya poverhnosti i v glinyanyh mavzoleyah u yuzhnoural'skih kochevyh plemen skifskogo vremeni [Eastern Aral Area and Samara-Ural Region: On the Problem of the Origin of Burial Traditions on the Surface and in Clay Mausoleums Practiced by Southern Ural Nomadic Tribes of Scythian Period]. *Ufimskiy arheologicheskiy vestnik* [Ufa Archaeological Herald], iss. 14, pp. 146-156.
- Myshkin V.N., 2017. Kurgany skifskogo vremeni s pogrebeniyami na drevney poverhnosti v stepyah Yuzhnogo Urala: obryadovye harakteristiki [Scythian Age Barrows with Burials on the Ground Surface in the Southern Urals Steppes: Features of the Funerary Rite]. *Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archeology, Ethnography & Anthropology of Eurasia], vol. 45, no. 3, pp. 96-105.
- Ol'govskiy V.S., 1989. Ranneskifskie pogrebal'nye sooruzheniya po Gerodotu i arheologicheskym dannym [Early Scythian Burial Structures According to Herodotus and Archaeological Data]. *Sovetskaya arheologiya* [Soviet Archeology], no. 4, pp. 83-97.
- Ol'govskiy V.S., 1991. *Pogrebal'no-pominal'naya obryadnost' naseleniya stepnoy Skifii (VII-III vv. do n.e.)* [Funeral and Memorial Rites of the Population of Steppe Scythia (7th – 3rd Centuries BC)]. Moscow, Nauka Publ. 256 p.
- Ochir-Goryaeva M.A., 2011. O planigrafii kurganov Yuzhnogo Priural'ya pozdneskifskoy erohi [On the Planigraphy of the Burial Mounds of the Southern Urals of the Late Scythian Era]. *Pogrebal'nyy obryad rannih kochevnikov Evrazii: materialy VII Mezhdunar. nauch. konf. «Problemy sarmatskoy arheologii i istorii» (11–15 maya 2011 g., g. Rostov-na-Donu, Kagal'nik)* [Funeral Ceremonies of the first Eurasian Nomads. Materials of the 7th International Scientific Conference “Problems of Sarmatian Archaeology and History” (11–15 May 2011, Rostov-on-Don, Kagalnik)]. Rostov on Don, SSC RAS, pp. 179-192.
- Polovnikov L.V., 2021. Kriterii vydeleniya zhilishch karkasno-stolbovogo tipa v otechestvennoy arheologii [Criteria for Frame-and-Pillar Dwellings Selection in Russian Archeology]. *Samarskiy nauchnyy vestnik* [Samara Journal of Science], vol. 10, no. 1, pp. 226-229.
- Pshenichnyuk A.Kh., 1983. *Kul'tura rannih kochevnikov Yuzhnogo Urala* [Culture of the Early Nomads of the Southern Urals]. Moscow, Nauka Publ. 199 p.
- Pshenichnyuk A.Kh., 1995. Perevolochanskiy mogil'nik [Perevolochansky Cemetery]. *Kurgany kochevnikov Yuzhnogo Urala* [Kurgans of the Southern Urals Nomads]. Ufa, Gilem Publ., pp. 62-96.
- Pshenichnyuk A.Kh., 2012. *Filippovka. Nekropol' kochevoy znati IV v. do n.e. na Yuzhnom Urale* [Filippovka. Nekropolis of the Nomad Nobility (4th BC in the South Urals)]. Ufa, IHLL USC RAS. 280 p.
- Sdykov M.N., Lukpanova Ya.A., 2013. *Rannie kochevniyi Zapadnogo Kazahstana* [Early Nomads of Western Kazakhstan]. Uralsk, Polygraphservis Publ. 292 p.
- Skarbovenko V.A., 2005. Pogrebal'nyy kompleks epohi rannego zheleza v kurgane 5 mogil'nika Berezki I [Burial Complex of the Early Iron Age in Mound 5 of the Berezki I Burial Ground]. *Drevnosti Evrazii ot ranney bronzy do rannego srednevekov'ya. Pamyati Valeriya Sergeevicha Ol'govskogo* [Antiquities of Eurasia from the Early Bronze Age to the Early Middle Ages. In Memory of Valery Sergeyevich Olkhovsky]. Moscow, IA RAS, pp. 382-393.
- Skify Zapadnogo Kazahstana*, 2007 [Scythians of Western Kazakhstan]. Almaty, Islammur Publ. 208 p.
- Sirotin S.V., 2009. Otchet ob arheologicheskikh issledovaniyah v Khaybullinskem rayone Respubliki Bashkortostan v 2009 g. [Report on Archaeological Research in the Khaibullinsky District of the Republic of Bashkortostan in 2009]. *Arkhiv IA RAN*, R-1, no. 38018-38019. 341 p.
- Sirotin S.V., 2010a. Kurgan № 11 kurgannogo mogil'nika Perevolochan v Zaural'skoy Bashkirii [Kurgan no. 11 of the Burial Mound of Perevolochan in the Trans-Ural Bashkiria]. *Arkheologiya i paleoantropologiya Evraziyskikh stepey i sopredel'nykh territoriy* [Archeology and Paleoanthropology of the Eurasian Steppes and Adjacent Territories]. Moscow, Taus Publ., pp. 323-338.
- Sirotin S.V., 2010b. Otchet ob arheologicheskikh issledovaniyah v Khaybullinskem rayone Respubliki Bashkortostan v 2010 g. [Report on Archaeological Research in the Khaibullinsky District of the Republic of Bashkortostan in 2010]. *Arkhiv IA RAN*, R-1, no. 39145. 151 p.
- Sirotin S.V., 2011. Issledovaniya na kurgannom mogil'nike Perevolochan II v yugo-vostochnoy Bashkirii [Research at the Perevolochan II Burial Mound in Southeastern Bashkiria]. *Arheologicheskie otkrytiya 2008 goda* [Archaeological Discoveries of 2008]. Moscow, Nauka Publ., pp. 383-384.
- Sirotin S.V., 2013. Katakombye pogrebal'nye kompleksy IV v. do n.e. mogil'nika «Avlasovskie kurgany» iz Yuzhnogo Zaural'ya [Catacomb Burial Complexes of the 4th Century BC of the Burial Ground «Avlasov kurgans» from the Southern Trans-Urals]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i*

- iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and Art Criticism. Theoretical and Practical Issues], no. 11, pp. 163-169.
- Sirotin S.V., 2020. Dromosnoe pogrebenie IV v. do n.e. iz kurgana 12 nekropolya Perevolochan I na Yuzhnom Urale [The Dromos Burial of the Fourth Century BC from Kurgan 12 at the Perevolochan I Cemetery in the South Urals Region]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arheologii* [Brief Communications of the Institute of Archeology], no. 258, pp. 181-200.
- Sirotin S.V., 2021. Dromosnye pogrebeniya rannih kochevnikov Yuzhnogo Urala [Dromos Burials of the Early Nomads of the South Urals: the Problems of Chronology]. *Ufimskiy arheologicheskiy vestnik* [Ufa Archaeological Herald], vol. 21, no. 1, pp. 160-168.
- Sirotin S.V., 2022. Kurgan 5 nekropolya «Ivanovskie I kurgany» na Yuzhnom Urale: hronologiya kompleksov [Kurgan 5 of the Necropolis “Ivanovskie I Kurgany” in the Southern Urals: Chronology of Complexes]. *Nizhnevolzhskiy Arheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 21, no. 1, pp. 21-51. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2022.1.2>
- Sirotin S.V., Bogachuk D.S., Okorokov K.S., 2018. Kurgannaya gruppa «Bogatyrskiye mogilki» № 4 (Orenburgskaya oblast, Orenburgskiy rayon) [Kurgan Group «Bogatyrsky Mogilki» no. 4 (Orenburg Region, Orenburg District)] *Goroda. Selishcha. Mogilniki. Raskopki 2017. Materialy spasatelnykh arkheologicheskikh issledovaniy* [Cities, Villages, Cemeteries. Excavations 2017. Materials of Rescue Archaeological Research], vol. 25. Moscow, IA RAS, pp. 334-339.
- Sirotin S.V., Bogachuk D.S., Gilmitdinova A.H., Okorokov K.S., 2019. Osobennosti pogrebal'nyh konstrukciy i planigraficheskaya organizaciya nekropolya Filippovka 1 [The Particulars of Burial Structures and Planigraphic Organization of the Cemetery Filippovka 1]. *Krym v sarmatskuyu epohu (II v. do n.e. – V v. n.e.). V.: materialy X Mezhdunar. nauch. konf. «Problemy sarmatskoy arheologii i istorii»* [The Crimea in the Age of the Sarmatians (200 BC – AD 400). V. Proceedings of the 10th International Research Conference «The Aspects of Sarmatian Archaeology and History»]. Simferopol, Salta LTD Publ., pp. 234-243.
- Sirotin S.V., Bogachuk D.S., Okorokov K.S., 2020. Filippovskie paralleli v pogrebal'nom obryade bol'shih kurganov nekropolya «Vysokaya Mogila – Studenikin Mar» [Filippovka's Parallels in the Funeral Rite of the Large Burial Mounds of the Necropolis “Vysokaya Mogila – Studenikin Mar”]. *Rannie kochevniki Yuzhnogo Urala i Nizhnego Povolzh'ya. Materialy Kruglogo stola «Arheologiya rannih kochevnikov evraziyskoy stepi: aktual'nye problemy i perspektivy ik resheniya»* [Early Nomads of the Southern Urals and the Lower Volga Region. Materials of the Round table “Archeology of the Early Nomads of the Eurasian Steppe: Actual Problems and Prospects for Their Solution”]. Moscow, MAKS Press, pp. 203-217.
- Sirotin S.V., Okorokov K.S., Bogachuk D.S., 2024. Voinskiy kompleks iz nekropolya «Vysokaya Mogila – Studenikin Mar»: novye nahodki zashehitnogo vooruzheniya rannih kochevnikov na Yuzhnom Urale [Warrior Burial from “Vysokaya Mogila – Studenikin Mar” Necropolis: New Finds of Defensive Armor of the Southern Urals Early Nomads]. *Nizhnevolzhskiy Arheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 23, no. 4, pp. 156-188. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2024.4.7>
- Smirnov K.F., 1964. *Savromaty (rannaya istoriya i kul'tura sarmatov)* [Sauromats (Early History and Culture of the Sarmatians)]. Moscow, Nauka Publ. 380 p.
- Smirnov K.F., 1975. *Sarmaty na Ileke* [Sarmatians on Ilek]. Moscow, Nauka Publ. 175 p.
- Smirnov K.F., 1977. Orskie kurgany rannih kochevnikov [Orsk Burial Mounds of Early Nomads]. *Issledovaniya po arheologii Yuzhnogo Urala* [Research in the Archeology of the Southern Urals]. Ufa, BFAN USSR, pp. 3-51.
- Tairov A.D., 2000. Ranniy zheleznyy vek [Early Iron Age]. *Drevnyaya istoriya Yuzhnogo Zaural'ya* [Ancient History of the Southern Trans-Urals], vol. 2. Chelyabinsk, SUSU, pp. 3-305.
- Tairov A.D., 2004. Periodizatsiya pamyatnikov rannih kochevnikov Yuzhnogo Zauralya 7–2 vv. do n.e. [Periodization of Monuments of the Early Nomads from the Southern Urals of the 7th – 2nd Centuries BC]. *Sarmatskiye kultury Evrazii: problemy regionalnoy hronologii: doklady k 5-y Mezhunar. konf. «Problemy sarmatskoy arkheologii i istorii»* [Sarmatian Cultures of Eurasia: Problems of Regional Chronology. Reports to the 5th International Conference “Problems of Sarmatian Archeology and History”]. Krasnodar, Raev and Co, pp. 205-220.
- Tairov A.D., 2006. Saki Priaral'ya v stepyah Yuzhnogo Zaural'ya (po materialam mogil'nika Marovy Shlyah) [Sakas of the Aral Sea Region in the Steppes of the Southern Trans-Urals (Based on the Materials of the Marovy Shlyakh Burial Ground)]. *Yuzhnyy Ural i sopredel'nye territorii v skifo-sarmatskoe vremya* [The Southern Urals and Adjacent Territories in the Scythian-Sarmatian Period]. Ufa, Gilem Publ., pp. 76-91.

- Tairov A.D., Botalov A.G., 1988. Kurgan u sela Varna [Mound near the Village of Varna]. *Problemy arheologii Uralo-Kazahstanskikh stepey* [Problems of Archeology of the Ural-Kazakhstan Steppes]. Chelyabinsk, Bashkir University, pp. 100-125.
- Fedorov V.K., Vasil'ev V.N., 1998. Yakovlevskie kurgany rannego zheleznogo veka v Bashkirskom Zaural'e [Yakovlevsky Mounds of the Early Iron Age in the Bashkir Trans-Urals]. *Ufimskiy arkheologicheskiy vestnik* [Ufa Archaeological Herald], iss. 1, pp. 62-96.
- Yablonsky L.T., 2013. *Zoloto sarmatskikh vozhdей. Elitnyy nekropol' Filippovka I (po materialam raskopok 2004–2009 gg.): kat. koll.* [Gold of Sarmatian Chiefs. Elite Necropolis Filippovka I (According to the Excavations of 2004–2009). Catalog of Collection], book 1. Moscow, IA RAS. 232 p.
- Yablonsky L.T., Bogachuk D.S., Volodin S.A., Maslov V.E., Sirotin S.V., 2023. *Zoloto sarmatskikh vozhdей. Nekropoli Filippovka 1 i Filippovka 2. Po materialam raskopok Priural'skoy arkheologicheskoy ekspeditsii IA RAN pod rukovodstvom L.T. Yablonkogo: kat. koll.* [Gold of Sarmatian Nobility. Burial Grounds Fillipovka 1 and Fillipovka 2. The Materials of the Excavations of the Pre-Ural Expedition of the Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, Directed by L.T. Yablonsky. Campaigns 2009–2014. The Catalogue.], book II. Moscow, IA RAS. 356 p.

Information About the Author

Sergey V. Sirotin, Candidate of Sciences (History), Researcher, Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, Dm. Ulyanova St, 19, 117036 Moscow, Russian Federation, sirotinsv70@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9394-0779>

Информация об авторе

Сергей Викторович Сиротин, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, 117036 г. Москва, Российская Федерация, sirotinsv70@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9394-0779>